

О БАСНѢ

И

о Баснописцахъ разныхъ народовъ,
извѣстїе объ ихъ жизни, съ
нѣкоторыми замѣчанїями на ихъ
басни и самыя басни оныхъ.

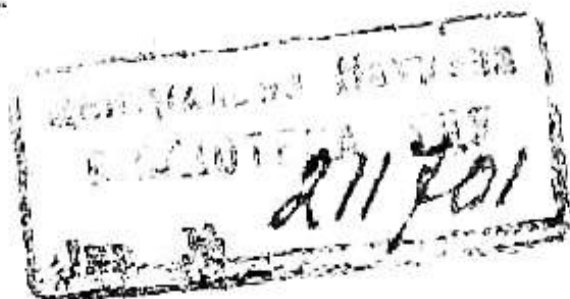
Опытъ, распространенный Василіемъ
Масловичемъ, изъ первой его лекціи
читанной въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Харьковскомъ Университетѣ, по случаю
Докторскаго экзамена, по словесному
отдѣленію.

ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Въ Университетской Типографіи.

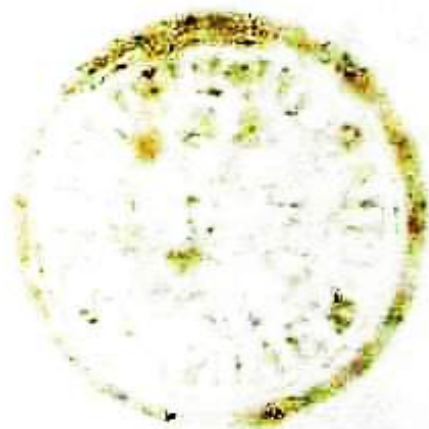
1816 года.

458

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ, основываясь на донесеніи читавшаго сіе Сочиненіе Профессора Ивана Срезневскаго, печатаніе оное дозволяетъ съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Просвѣщенія, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Ноября 30 дня, 1815 года.

Деканъ Антонъ Дегуровъ.

ДОСТОПОЧТЕННЫМЪ МУЖАМЪ

И

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫМЪ ЧЛЕНАМЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Сей опытъ,

съ глубочайшимъ почтеніемъ и съ чувствованіемъ истинной благодарности, подносите

Сочинитель.

С о д е р ж а н і е.

	Странъ
Происхожденіе басни - - -	3
Различіе басни ошь повѣсти и сказки -	5
Различіе въ разсужденіи наружнаго вида	6
Опредѣленіе басни - - -	7
Раздѣленіе басни - - -	—
Величина басни - - -	8
Точность дѣйствія басни - - -	9
Ошь чего Езон. басни менѣе нравящся не- жели Лафонтеневы - - -	10
О баснописцахъ - - -	12
И н д ѣ й ц ы.	
Вишну-Сарма.	
Видлай, Пильлай.	
.. Столяръ и Обезьяна - - -	14
Е ф і о л я н е.	
Локманъ - - -	15
Г р е к и.	
Езонъ.	
Левъ и Лягушка - - -	16
Афитоній.	
Лебедь. - - -	—
Еабрѣй.	
Осель и Левъ - - -	17
Лисица и виноградъ - - -	—

II

	Стран.
<i>Р и м л я н е.</i>	
<i>Федръ.</i>	
Лисица и Воронъ - - -	18
<i>Асень.</i>	
Осель во Лвиной кожѣ - -	19
<i>Новые писатели Латинскіе.</i>	
<i>Христь.</i>	
Муравей и Стрекоза - - -	20
<i>Десбильонъ.</i>	
Слѣпой и Хромой - - -	21
Левъ и Лягушки - - -	22
<i>И т а л і я н ц ы.</i>	
<i>Балди.</i>	
Фиговое и Миндальное деревья -	23
Сицилія и Непшунъ - - -	—
<i>Тарга или Пасси.</i>	
Муравей и Стрекоза - - -	24
<i>Фердинцти.</i>	
Левъ, Осель и Лисица - - -	—
<i>Робертти.</i>	
Кошка и Сыръ - - -	26
<i>Пинцти.</i>	
Прожектеръ - - -	27
<i>Ф р а н ц у з ы.</i>	
<i>Ла-Фонтеъ.</i>	
Лисица и Журавль - - -	31
<i>Ла-Мотъ.</i>	
Человѣкъ знающій свою судьбу -	33
<i>Ришеръ.</i>	
Сова, Жаворонокъ и Павлинь -	35
<i>Ле-Нобль.</i>	
Лисица и Воронъ - - -	37

<i>Доратъ.</i>			
Филинь	-	-	40
<i>Обертъ.</i>			
Дроздъ	-	-	41
<i>Имбѣртъ.</i>			
Левъ — судья	-	-	43
<i>Андотъ.</i>			
Лошадиный бѣгъ	-	-	46
<i>Флоріанъ.</i>			
Обезьяны и Леопардъ	-	-	48
<i>А н г л и ч а н е.</i>			
<i>Гай.</i>			
Книгопродавецъ и Слонь	-	-	51
<i>Едвардъ.</i>			
Лисица и Виноградъ	-	-	56
<i>Мооръ.</i>			
Гусь и Лебеди	-	-	—
<i>Н ѣ м ц ы.</i>			
<i>Бонеръ.</i>			
О недостойномъ чиновникѣ	-	-	60
<i>Буркардъ Вальдисъ.</i>			
О юношѣ лжецѣ	-	-	63
<i>Гагедорнъ.</i>			
Лисица и Козель	-	-	67.
<i>Геллертъ.</i>			
Юноша и Старикъ	-	-	69
<i>Лихтверъ.</i>			
Рѣдкіе люди	-	-	71
<i>Глѣймъ.</i>			
Пчела	-	-	73
<i>Лессингъ,</i>			
Зевесъ и Лошадь	-	-	74

IV

	Стран.
Обезьяна и Лисица - - -	75
<i>Шлегель.</i>	
Сорока - - -	76
<i>Михаелисъ.</i>	
Мужикъ подъ дубомъ - - -	77
<i>Вилановъ.</i>	
Кошка, Старая и Молодая мыши -	80
<i>Захаріе.</i>	
Паукъ и Подагра - - -	81
<i>Николай.</i>	
Воронъ и Сова - - -	86
<i>Пфесффель.</i>	
Свѣтящійся червячокъ - - -	87
Ласточка и Пчела - - -	—
<i>Мейснеръ.</i>	
Пальма и Тыква - - -	89
Р о с с і я н е.	
<i>Неизвѣстный.</i>	
Лісица - - -	91
Человѣкъ и Песъ - - -	92
<i>Кантемиръ.</i>	
Огонь и восковой болванъ - - -	94
<i>Ломоносовъ.</i>	
Волкъ Паслухъ - - -	96
<i>Тредьяковскій.</i>	
Пѣтухъ и Жемчужина - - -	98
Воръ и Песъ - - -	—
<i>Сулароковъ.</i>	
Собака и Воръ - - -	100
Заяць - - -	101
<i>Еминъ.</i>	
Супъ и Ботвинья - - -	104

<i>Хелмницеръ.</i>		
Мужикъ и Корова	-	107
Собака и Мухи	-	108
<i>Барковъ.</i>		
Волкъ и Ягненокъ	-	109
Лисица къ прагической личинѣ	-	110
<i>Фонъ Визинъ.</i>		
Лисица кознодѣй	-	111
<i>Майковъ.</i>		
Роза и Змѣя	-	114
<i>Княжнинъ.</i>		
Живописецъ въ полону	-	115
<i>Богдановичъ.</i>		
Комаръ и Журавль	-	117
<i>Сковорода.</i>		
-	-	-
<i>Нахимовъ.</i>		
Моська и Собака на привязи	-	120
Парикъ и Болванъ	-	121
Форшуна	-	-
Волы и лошадь	-	-
Зеркало и Уродъ	-	122
<i>Левшинъ.</i>		
Лгунъ.	-	123
<i>Измайловъ.</i>		
Барсъ и Бѣлка	-	125
<i>Хвостовъ.</i>		
Хлѣбъ и Собака	-	126
Безногой и Босой	-	127
<i>Невѣдомскій.</i>		
Олень и Овца	-	128
<i>Крыловъ.</i>		
Слонъ и Моська	-	129

VI

	Стран.
Вороненокъ - - -	- 130
<i>Дмитріевъ.</i>	
Амурь Гимень и Смерть -	- 132
Полевой Цвѣтокъ и Гвоздики -	- —
Верблюды и Носорогъ -	- —
Отецъ съ Сыномъ - -	- 133
<i>Бунина.</i>	
Общество и Время - -	- 134
Смерть и ея Придворные -	- —
<i>К. Урусова.</i>	
Пчела - - -	- 136
Разкащикъ - - -	- 137
Примѣчаніе - - -	- 138
Заключеніе - - -	- 140

О Басни вообщѣ и о Баснопис-
цахъ, съ нѣкоплыми на нихъ
замѣчаніями.

Que j'aime les héros dont je conte l'histoire !
Et qu'à m'occuper d'eux je trouve de douceur !
J'ignore s'ils pourront m'acquérir de la gloire,
Mais je sais qu'ils font mon bonheur.
Avec les animaux je veux passer ma vie ;
Ils sont si bonne compagnie !

Florian.

О Басни вообще и о Баснописцахъ,
съ нѣкоторыми на нихъ замѣ-
чаніями.

§ 1.

Очень правдоподобно, что по- Произ-
слѣ Лирической поэзіи показались ^{хожде-}
Басни, какъ несомнѣнно то, что ^{ніе ба-}
^{сни.}
Лирическая поэзія появилась по-
чпи вмѣстѣ такъ сказать съ пер-
вымъ человекомъ. Первый чело-
вѣкъ будучи пораженъ всѣмъ его
окружающимъ, долженъ былъ из-
лить свой возпоргъ предъ Сздав-
шимъ; и сей воспоргъ его былъ
Гимнъ или Ода. Послѣ когда люди
соспавили общесства, ревностнѣй-
шему члену онаго, или защитив-
шему его, или изобрѣвшему для
онаго что либо полезное, — они
воздали заслуживаемую похвалу,

и сія похвала была ни что иное, какъ Гимнъ, или Ода. Но какъ общества не могли долго пребыть невинны, или, яснѣе сказать, когда быспро исчезъ золотой вѣкъ, споль много восхваляемый древними — начали вкрадываться злоупотребленія, и опять право сильного стало бытъ ощутительно, когда мощнаго не смѣлъ прямо укорить въ его несправедливости безсильный: то острый умъ его долженъ былъ прибѣгнуть къ выдумкѣ; и — онъ вмѣсто себя слабого заставилъ овцу слабую же жаловаться и укорять, но не человека — приписавшаго, а волка, или подобнаго ему животнаго, и отъ сего произошелъ другой родъ стихотворенія, по есиаъ Басни. — Конечно не Эзопъ былъ первый изобрѣтатель Басенъ; гораздо прежде его онѣ извѣсны были. Онъ первый собралъ ихъ, или въ особенноти занялся ими и получилъ названіе Отца — Баснописца. Эзопъ

употреблялъ еще съ тою цѣлю свои Басни, для которой онѣ были вымышлены, но нынѣшнихъ писателей цѣль оныхъ спмѣнна.

§ 2.

Многіе совершенно оплича-
ютъ баснь олъ повѣсти и сказки. Различіе басни оль повѣсти и сказки.
Правда что есть различіе между повѣсти и сказки.
тремя сими иносказаніями, но спра-
ведливо и то, что онѣ все про-
изходятъ изъ одного источника,
и какъ бы раздѣляются на три
ручья, которыя оная однако
соединяются, и текутъ къ одно-
му предмету. Стоишь только
вникнуть въ произвожденіе каж-
даго слова и разность трехъ сихъ
родовъ объяснится: баснь — баю,
повѣсть — повѣстную, сказка —
сказываю. Какое различіе между
тремя сими словами, такое же
различіе и между тремя сими ро-
дами. Ежели же разумѣть баснь,
повѣсть и сказку не въ наруж-
номъ, а (если позволено только

сказать) во внутреннемъ видѣ, по ра ность между ими окажется и того мнѣе.

§ 3.

Разли-
чїе въ
разсуж-
денїи
наруж-
наго ви-
да.

И такъ душа шрехъ сихъ ро-
довъ едина, что же касающа до
шѣла, или наружнаго ихъ вида,
легче можно оплечить ихъ меда-
ду собою. Предѣлы басни суть —
кратки, повѣсти, — длиннѣе, сказ-
ки обширнѣе. Дѣйствующія лица
первой, суть: а) животныя, б)
вещи неодушевленные, с) люди
и животныя, д) животныя и вещи
неодушевленные, е) люди и вещи
неодушевленные. Второй люди,
каковы суть. Третьей: а) всѣ шѣ
лица, какія и въ басни находяш-
ся; но только люди занимаютъ
первое мѣсто; б) чудеса, или
сверхъ естественныя силы. По-
казавъ различїе шрехъ сихъ ро-
довъ, мы займемъ первымъ, то
есть баснями, повѣсти же и сказ-

ки оспавимъ, дабы сохранить пред-
полагаемую краткость.

§ 4.

Послѣ всего сказаннаго, почти Опре-
не надобно бы опредѣлять басни: ^{дѣленіе}
опредѣленіе ея каждой легко ви- ^{басни.}
дѣлать: что она ни что иное естъ,
какъ стихотворческое повѣспиво-
ваніе о какомъ нибудь вымышлен-
номъ или истинномъ дѣйствіи,
которое разыгрывается или жи-
вопными, или неодушевленными
вещами, или пѣми и другими, или
людьми вмѣстѣ съ живопными и
съ вещами.

Посему басни бываютъ трехъ Раздѣ-
родовъ: 1.) Собственно такъ на- ^{леніе}
зываются Басни, гдѣ дѣйствуютъ ^{басни.}
существа одушевленные, неода-
ренные разумомъ; 2.) Басни ли-
тическія пѣ, въ коихъ дѣйству-
ютъ вещи неодушевленные — и-
ные родъ сихъ басень называютъ
несбыточными. 3.) Басни смѣ-
шанныя, гдѣ дѣйствуютъ суще-

ства словесныя съ безсловесными и неодушевленными. Сославъ басни имѣетъ двѣ главныя части: а) повѣствованіе дѣйствія и б) выведенное изъ онаго наставленіе. Первая часть въ басни непремѣнна; вторая же часто бываетъ только подразумеваема, т. е. читателю или слушателю оставляется самому вывести наставленіе, и приравнить къ себѣ, или къ другимъ.

§ 5.

Величи. Многіе хотѣли назначить пре-
на бас-дѣлы басни и даже именно въ сколь-
ми. кихъ строкахъ должна она нахо-
диться. Но они хотѣли несбыпо-
чнаго. Можно только сказать, чтобъ баснь была кратка, не опредѣляя впрочемъ математически сію краткость. Баснь можетъ заключаться въ одной, въ двухъ строкахъ и въ двухъ стихахъ и болѣе и тогда еще сохраняетъ должную свою краткость. Конечно,

когда ея предѣлы будутъ весьма обширны, тогда она перяетъ свое названіе. Короче, баснописцы смотря по предмету басни должны распространять и величину басни.

Здѣсь можно сказать, что Баснь басни, такъ, какъ и поэмы должны непременно писаны быть ^{пишется стихами.} стихами. Но не стихами такъ называемаго вольнаго размѣра, какъ того многіе требуютъ. — Всѣ извѣстные доселѣ размѣры стиховъ могутъ дозволены быть въ басни, даже кому угодно, можетъ на сей конецъ изобрѣсти собственннй свой. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ написать хорошо и занимательно.

§ 6.

Теперь скажемъ нѣсколько ^{Точ-} словъ о точности дѣйствія ^{бас-} ни. Она бываетъ тогда, когда ^{дѣйствіе} ^{бас-} ноль явственнo сходствуетъ съ ^{сти-} ^{хми.} ^{сти-} ^{хамъ} дѣйствіемъ, которое подѣ

онимъ разумѣется, что довольно даже нынѣшняго моднаго вниманія, чтобъ содержащееся подъ онимъ понятіе уразумѣть и приравнишь къ челоуѣческимъ пошупкамъ, такъ на пр: въ сей Нахимова басни:

Пошерянный алмазъ въ пыль лежалъ.

Алмазомъ пыль пренебрегала.

Ахъ! какъ ты предомною малъ,

Она ему сказала:

Съ земли я гордо подымаюсь,

И въ уши, и въ глаза прохожему бросаюсь;

Здѣсь знають всѣ меня: и лапоть и башмакъ!

А пы... какой бѣднякъ!

Никпо тебя не примѣчешъ.

За пылю — вдругъ алмазъ смиренно отвѣ-
чаетъ:

§ 7.

Опъ че- Хотя Эзоповы басни отличны
го Езо- опъ прочихъ своею простотою,
повы легкостію, краткостію и напу-
басни ральностію; но онѣ не столько
менѣе намъ нравятся, какъ басни Ла-
вряшя, фоншена, или какъ басни другаго
нежели Лафон-славнаго, новаго баснописца, но
мена? не пошому только, что онѣ пи-
саны прозою. Федръ оставилъ ба-

сни свои въ сѣпихахъ; но онѣ тоже уступаютъ новѣйшимъ. Причина сему та, что Лафоншенъ, или новѣйшіе баснописцы придаютъ дѣйствующимъ лицамъ своимъ всѣ обыкновенія, сужденія, обхожденія, даже титулы и имена, какія приличны одному только человеку. Опять чего басни дѣлаются забавнѣе и интереснѣе, больше обращаютъ вниманія читающаго, или слушающаго, и симъ самымъ, невольнымъ, такъ сказать, образомъ похищаютъ у него улыбку, или смѣхъ; причина еще та, что самыя происшествія людскія приписываютъ безсловеснымъ и соблюдаютъ даже самую форму происшествій. *На пр:* не занимательно ли въ басни Дми-тріева слышатъ доводы Петра Кролика, какіе онъ приводитъ Судѣ Крысодаву, защищая свое право владѣнія надъ своею норою, или домомъ? даже соблюденъ слогъ прозѣвъ приказныхъ? Вотъ какъ:

Петръ кроликъ приводилъ въ доводъ,
 Обычай, давность; — ихъ закономъ,
 Ояъ утверждалъ, введенъ въ владѣніе нашъ родъ
 Безспорно зшимъ домоюъ,
 Который кроликомъ Софрономъ
 Отказанъ, призванъ былъ за сына своего
 Ивана кролика; по смерти же его
 Достался въ силу права
 Тожъ сыну, именно мнѣ кролику Петру.

Это совершенный списокъ съ прозъ-
 бы нашей. Всѣ судейскія слова,
 повторенія, порядокъ, ничего не
 упущено — и баснописецъ по не-
 волѣ заставляетъ насъ, чиня сіе
 мѣсто, разсмѣяться. Это можно
 почестъ новымъ изобрѣщеніемъ къ
 Эзоповой басни, нынѣшнихъ писа-
 телей и — изобрѣщеніемъ важ-
 нымъ, и весьма украшающимъ
 басню.

§ 8.

О бас-
 нопис-
 цахъ.

Разсуждая о басняхъ, непро-
 сипительно бы было ничего не упо-
 мянушь объ ихъ виновникахъ. И
 по сему, дабы не уподобился шѣмъ
 дѣшамъ, которыя любящъ лако-
 миться медомъ, а презирающъ

пчель, скажемъ нѣсколько объ из-
вѣстныхъ баснописцахъ народовъ:

Басни *Вишну-Сармы* писаны Вишну-
на древнемъ Индусскомъ или Сан-Сарма
скрипскомъ языкѣ, и служили Индѣй-
образцемъ баснямъ Пильпая, и Езо-скій.
па. Многие сего Вишну-Сарму по-
читаютъ за первѣйшаго баснопис-
ца, не лучше ли признаться, что
мы не знаемъ кто былъ первый
изобрѣтатель басень? —

Пильпай, Браминъ Индѣй-Видпай,
скій, управлялъ во время владѣ-Пиль-
нiя Царя Далшелима частію Ин-пай.
достана, заключающеюся между
Индіею и рѣкою Гангесомъ. Слѣ-
дую обыкновенію воспочныхъ на-
родовъ, даетъ онъ въ своихъ ба-
сняхъ, аллегорическимъ образомъ
Государямъ наспавленiя, какъ у-
правляютъ своими подданными. Сiи
басни переведены нѣсколько разъ
на языки Персидской, Арапской
и на всѣ почти Европейскія, какъ
равномѣрно и на нашъ. Хотя Ла-
Мотъ справедливо усматриваетъ

Пиль- нѣкоторыя погрѣшности въ сичъ
пан. басняхъ; но онѣ всегда будущъ и-
мѣль свое достоинство. Вошь
одна изъ басень Пильпан:

Б А С Н Я Х.

О столярѣ и обезьянѣ.

Обезьяна увидѣла столяра, кото-
рой кололъ бревно двумя большими
клиньями, вкладывая одинъ за дру-
гимъ въ расщелину, чтобъ шѣмъ удо-
бно е расколоть бревно. Какъ столяръ
оставилъ свое дѣло, а обезьяна уви-
дѣла, что никого нѣтъ, то она при-
шедъ, вынула одинъ клинъ, которой
былъ въ расщелинѣ, не вложивъ дру-
гаго, чего ради обѣ части бревна сло-
пились, и защемили двѣ ноги у обезья-
ны, которую столяръ возвратившись
убилъ до смерти.

Сія басня учитъ насъ, что мы
не должны мѣшаться въ постороннїя
дѣла. (*)

(*) Басни Пильпаня всѣ почти связаны между со-
бою, шакъ, какъ и Вишну - Сармы, каждая
баснь включаетъ въ себѣ другую, коия ча-
сто послѣдняя прошиворѣшитъ первой.

Локманъ, Эѳіопскій Мудрецъ, мно- Лок-
гими почитается изобрѣшателемъ манъ
прищей; жилъ въ Соломоновы Эѳіоп-
времена. Извѣстія объ немъ сход- скій.
спвуютъ съ жизнью Езопа, и по
сему нѣкоторые Локмана и Езо-
па почитаютъ за одного. Мы о-
спавимъ другимъ защищать, или
опровергать сіе мнѣніе.

§ 9.

Теперь слѣдуетъ *Езолъ*, О- Езопъ
пецъ прищъ. Онъ былъ Греческій Грече-
невольникъ, родомъ Фригіецъ и скій.
жилъ въ 35 столѣтіи по сотво-
реніи міра. Ядмонъ, или Идмонъ
даровалъ ему свободу; онъ былъ
уважаемъ Царемъ Лидійскимъ. Его
жизнеописаніе (трудъ одного Гре-
ческаго монаха, по имени Макси-
ма Планида) слишкомъ спихотвор-
но. Сей же монахъ собралъ его
басни, разсѣяныя въ сочиненіяхъ
древнихъ многихъ писателей. —
Отличительная черта басенъ Езо-
повыхъ — простота и легкость.

Λέων καὶ Βάτραχος.

Εζοπῷ. Λέων ἀγέσας ποτὲ βατράχου μέγα βοῶντος, ἐπεσράφη πρὸς τὴν Φωνήν, οἰόμενος μέγα τι ζῶον εἶναι. πρὸς μείνας δὲ μικρὸν, ὡς εἶδεν αὐτὸν προελθόντα τῆς λίμνης, προσελθὼν αὐτὸν κατεπάτησεν.

Ὁ μῦθος δηλοῖ μὴ δεῖν πρὸ τῆς ὕψους δι' ἀποῆς μόνως ταράττεσθαι.

Афи-
шоній.

Афитоній, Софистъ и Ги-
поръ 3 спольшия по Р. X. Ему
приписываютъ 40 басенъ, совер-
шенно начертанныхъ въ родѣ Езо-
повомъ, попому, что какъ содер-
жаніе, такъ и рассказъ взяты изъ
Езопа съ небольшими переиз-
менами.

Κύνος.

Αυτῶν εὐπορῶν χῆνά τε ἅμα καὶ κύνας
ἄμφω τρέφειν ἐβάλετο. ἔτρεφε δὲ, ἐκ εφ'
ὁμοίως βαλεύμασι. τὸν μὲν γὰρ ῥόης, τὸν δὲ
τραπέζης ἐπέκτετο χάριν. ὡς δὲ ἔδει τὸν χῆνα
ἀποθανεῖν ἐφ' οἷς ἐτρέφετο, νύξ μὲν ἦν, καὶ
διαγινώσκειν ὁ πατὴρ ἐκ ἀφῆκεν ἐκότερον. ὁ
κύνας δὲ αὐτὸν τῆς χηνὸς ἀπαχθεὶς ᾤδη σπασίνας
τὴν φύσιν, καὶ τὴν τελευτὴν διαφεύγει τῷ μέλει.

Οὕτως ἡ μυσικὴ τελευτῆς ἀναβολὴν ἀ-
περγάζεται.

Такъ же и *Бабрiя* или *Габрiя* *Бабрiя*.
Греческаго языко-учителя 4 спо-
лѣшiя по Р. X. разываюшъ изда-
шелемъ 43 Греческихъ басенъ, ко-
ихъ содержанiе *Езопа* украшено
спихами.

Περὶ ὄνου καὶ Λεοντῆς.

Φέρων Λέοντος δέρμα τοῖς ὤμοις ὄνος,
Ἦυχει Λέων εἶναί τις, ἀπόλας βλέπων.
Ἐπεὶ δὲ γυμνὸς τῆς Λεοντῆς εὐρέθη,
Τέτον μύλων ἐμνησε τῆς ἀταξίας.

Περὶ Ἀλώπεκος καὶ σαφυλῆς.

Κερδῶ βότρης βλέψασα μακρᾶς ἀμπέλης
Πρὸς ὄψος ἤρτο, καὶ καμῆσα πολλάκις
Ἐλεῖν, ἀπέειπε. πρὸς δ' ἑαυτῆς ταῦτ' ἔφη,
Μὴ κάμνε, φάγες ὀμφακίζουσιν μάλα.

§ 10.

Уроженецъ Фракiйскiй и оп-Федръ
пущенникъ Августа *Федръ*, ко- ^{Лашыж-}
его басни, суть изобрѣшенiя *Езо-* ^{скiй.}
повы, написанныя Ямбическими
Сценарiями, о чемъ онъ самъ упо-
минаешъ въ прологѣ. Онѣ до 15 спо-

Федръ. Лѣпія были неизвѣстны. *Николай Перротъ* доставилъ ихъ свѣту.

VULPES ET CORVUS

Cum de fenestra corvus raptum caseum
Comesse vellet, celsa residens arbore;
Hunc vidit vulpes; dehinc sic coepit loqui:
O qui tuarum, corve, pennarum est nitor!
Quantum decoris corpore et vultu geris!
Si vocem haberes, nulla prior ales foret.
At ille stultus, dum vult vocem ostendere,
Emisit ore caseum, quem celeriter
Dolosa vulpis avidis rapuit dentibus.
Tum demum ingemuit corvi deceptus stupor.

Hac re probatur, quantum ingenium valet,
Virtute et semper praevalet sapientia.

Авіенъ. *Авіенъ* процвѣтавшій во 2 столѣтіи въ царствованіе Автонина. Послѣ него остались 42 басни въ Елегическихъ стихахъ, однако безъ пріятности и красоты, какія усматриваются въ подлинникѣ его Федръ. Онъ преложилъ въ стихи Ямбическіе исторію Тита Ливія. Сей его трудъ, хотя для тогдашнихъ временъ былъ достоинъ посмѣянія, но нынѣ по-

служилъ бы дополненіемъ шѣжѣ, ча. Азіенъ.
сней, кои утрачены.

ASINUS PELLE LEONIS INDUTUS.

Metiri se quemquē decet, propriisque iuari
Laudibus, alterius nec bona ferre sibi
Ne detracta gravem faciant miracula risum,
Coeperit insolitis cum remanere malis.
Exuvias asinus Gaetuli forte leonis
Repperit, et spoliis induit ora novis,
Aptavitque suis incongrua tegmina membris,
Et miserum tanto pressit honore caput.
Ast ubi terribilis animo circumstetit horror,
Pigraque praesumptus venit in ossa vigor,
Mitibus ille feris communia pabula calcans,
Turbavit pavidos per sua rura boves.
Rusticus hunc magna postquam deprendit ab aure,
Corruptum vinculis verberibusque domat.
Et simul abstracto denudans corpora tergo
Increpat his miserum vocibus ille pecus:
Forsitan ignotos mutato murmure fallis;
At mihi, qui quondam, semper asellus eris.

Иванъ Фридрихъ Христъ, Христъ
бывшій Профессоръ стихотвор-
ства въ Лейпцигѣ родился 1701
а умеръ 1756 года. Онъ полагалъ,
что Федровы басни не были на-
писаны древнимъ Римскимъ сти-
хотворцемъ; но что онѣ были тру-
довъ его ошылкашеля Ник. Пер-

Христъ *рота*. Чшобъ сіе мнѣніе болѣе под-
швердитъ, написалъ онъ двѣ кни-
ги Эзоповыхъ басенъ, въ такомъ
почно видѣ, въ какомъ онъ вы-
шли въ Лейпцигѣ 1748 года.

FORMICA ET CICADA.

Formica brumae de caverna tempore
Aestate lecta farra promit, et secat
Dente impigro. Sed sibile ad latas adstitit
Orans cicada, copiae partem daret.
Formica ad illam: aestate quod fecisti opus,
Ne ipsi liceret comparare tibi cibos?
Tum non vacabat, inquit: errabam levis
Segetes per omnes carmen ingratis canens.
Formica ridet, ac recondens farra, ait:
Quia tum canebas, iam, decet, salta ad modos;
Nam non futura pinguior tu de meo.
Amare munus utile operae discito.
Operis honesti studium, et ipse labor, iuvant.
Habet arte vita nostra dulcius nihil,
Aut otiosi inerte durius otio.
Hoc in tua re sequere; sic vives bene,
Regnare visus, dum quidem es nulli gravis.

Десби-
льонъ.

Иванъ Десбильонъ Ексъ-Езунтъ
въ Минхенѣ. Басни его переведен-
ныя на Французскій языкъ и 1786
вновь изданныя, взяты по боль-
шой часи изъ лучшихъ древнихъ

и новыхъ писателей, и вообще Деэби-
щаспливо и съ должною крапко-^{льонь.}
спію имъ обработаны; писавы
Латинскими стихами.

HOMINES DUO, CAECUS ALTER, ALTER
CLAUDUS.

Duo, caecus alter, alter autem debilis
Dextro pede, homines ad vadum devenerant
Formidolosum: restiterunt: audii,
Caecus ait, isti, quod quidem nunc admones
Obstare, non temere esse credendum vado.
Hinc namque et illinc graminea, quam tu vides,
Specie lutosas obtegi voragine;
In quas, nisi usque media teneatur via,
Facillimum esse deprimi, vestigio
Fallente, mergique. Ergo utroque lumine
Privatus, haud me his ausim aquis committere.
Neque ego mehercule, inquit claudus, hoc pede
Uno adiuvante, nec satis stabili, neque
Satis expedito, hanc aggredi viam velim.
Sed humeri fortes tibi sunt; et oculis ego
Clare videntibus utor: imponi tuae
Cervici me sine; gradientem dirigam.
Assentit ille: sic vadum, quod uterlibet
Solutus nequisset sine periculo ingredi,
Tanti simul ope mutua ambo transeunt.

Ad omne spectat fabula humanum genus.

LEO ET RANA.

Десби- Valde loquacem cum ranam audisset leo,
льонъ. Timuit, et aliquod esse magnum animal putans,
Retro se vertit: at mox e stagno videt
Ranam exeuntem, quam indignans calcat pede.

Iniicere falsos fortibus animis metus
Periculosum quam sit, exemplum hoc probat.

Балди *Балди Бернардинъ* родился
Ипалі- въ Урбинъ 1553. Былъ Аббатъ Гва-
анскій. спальскій, басни его похожи бо-
лѣе на описанія и примѣры — и
не совсѣмъ удачно изобрѣшены.
Крисцембени переложилъ ихъ въ
Ипаліанскіе стихи, которые на-
печатаны въ Римъ 1702. — Балди
былъ весьма трудолюбивый чело-
вѣкъ; зналъ 16 разныхъ языковъ,
и особое употреблялъ раченіе
въ изученіи восточныхъ. Онъ на-
чалъ было Историческое и Геогра-
фическое описаніе свѣта во всѣхъ
его частяхъ; но не имѣлъ време-
ни окончить обширнаго сего со-
чиненія. Умеръ 1617.

IL FICO E IL MANDORLO.

Diceva il Mandorlo al Fico: onde viene, che fra Балда tutti gli altri alberi, che nell' autunno fanno frutti, tu solo nella primavera non hai fiori? A cui il Fico: per non far come te, che spesso di primavera fiorisci, per non fruttificar nell' autunno.

Dà precetto alla Gioventù, acciòche prima del tempo non tenti far pompa di sapere.

LA SICILIA, E NETTUNO.

La Sicilia facta istanza à Nettuno di ricopgiungersi con l' Italia; à cui disse il Dio: tu sei pazza, non sapendo, quanto sia meglio l' esser picciol capo, che gran piede.

Mostra, che è meglio esser Signor povero che Servo ricco.

Подъ именемъ Петра Тарги Повеси находился Италіянскій писатель Тарга. 16 стол. Цезарь Павеси, родомъ изъ Аквилы, оставилъ 150 спихотворныхъ басенъ, коихъ содержанія взяты изъ разныхъ древнихъ баснописцевъ. Расказъ басенъ его довольно легокъ и разнообразенъ, но нравоученія утомительны.

LA FORMICA E LA CICALA.

Павеси. De la fame e dal freddo afflitta e stanca
A lento passo la Cicala arriva
A la Formica, e poi tra morta e viva
Narra, come à lei forza e cibo manca;
E prega ch' hor, che per la neve è bianca
La terre, lei, ch' al buon tempo nudriva,
Non voglia di soccorso esserle schiava:
Che ben morte vicina hora l'imbianca.
E la Formica: La passata estate,
Ch' io faticava l'un e l'altra spalla
Per condur l'esca, e tu di dove stavi?
Diletta va io cantando alle brigate
Satolla e lieta. Ed ella: (e non ti gravi
Che far lo puoi) digiuna, e lieve hor balla.
Ne l'April di tua età pensa al Gennaio.

Фердицотти. *Гіованни Маріо Фердицотти,*
монахъ изъ Венеціи, жилъ въ по-
ловинѣ 16 стол. написалъ кромѣ
многихъ разныхъ стихотвореній
100 басенъ стихами; коихъ со-
держанія почерпнулъ онъ изъ дре-
внихъ и новыхъ Греческихъ и Рим-
скихъ писателей, и онъ такъ же,
а особливо, въ нравоученіяхъ тя-
желы.

IL LEONE, L'ASINO, E LA VOLPE.

Il rozzente Leon, l'astuta Volpe
E'l semplice Asinel venner d'accorde

D'esser compagni, e divider tra loro
Quel che ciascun di lor prendesse in caccia.
E fatto un giorno assai copioso preda,
E sendo à l'Asinel toccato in sorte
Il far le parti del commun guadagno
Il tutto giustamente in tre divise:
Perchè ciascun il suo dovere avesse.
Ma il superbo Leon questo vedendo
Arse nel cor tutto di rabbia e sdegno;
E'l miser divisor tosto accusando
D'iniquità, d'inganno, e di malizia,
Lacerò tutto, e con vorace brama
Ne saziò la scelerata fame.
Poi volto in atto furibondo e fiero
A la Volpe, che attonita mirava
Quel caso strano, e di nequizia pieno,
Con parlar orgoglioso le commesse,
Che in giuste parti dividesse il tutto.
Ond' ella accorta da l'altrui ruina
Quasi tutta la preda in un raccolse,
Per farla del Leone debita parte;
E presen tolla à la superba fiera,
E poco più di nulla à se ritenne.
Allor l'altiero d'allegrezza pieno
Le disse: Ove, sorella, hai così bene
Appresa del divider la ragione,
Che con tanta dottrina hor m'hai dimostro?
A cui l'astuta umilmente rispose:
De l'Asino lo strazio, e'l tristo fine
Dato m'hà de le leggi la dottrina,
Ch'è ben partir quel, ch'è comune, insegna;
E m'hà fatto legista in un momento.
Così l'uom spesso à l'altrui spese impara

Ферма-
гомуна.

Ферди- Nelle occorrenze perigliose e strane
Юмши. Il ritrovar la via di sua salute

Senza tema di bismo, ò d'alcun danno.

Si vuoi del tuo mestier cavar guadagno,

D'un tuo maggiore non ti far compagno.

Роберт-
ши.

Мархезій Роберти оставилъ
3 собранія *Езоповыхъ басенъ*, изъ
коихъ первое, безъ имени, а послѣ-
днія издалъ онъ подъ принятымъ
именемъ *Василія Граціоза*. Предъ
каждымъ находится разсужденіе
о теоріи басенъ. Онъ по большой
часи сушь шаспливыя подража-
нія *Федру*. Въ новѣйшемъ изданіи
находяся нѣкоторыя и его изо-
бръшенія.

IL GATTO, E IL FORMAGGIO.

Col teso orecchio il timido gastaldo
Nell' unta sua dispensa un rumor ode,
E s'accorge che un sorcio ingordo e baldo
Da un buco entrato con secreta frode
Per esercizio del suo dente saldo,
Un marzolin pinguissimo si rode: e saggio
Chiude entro il Gatto, e il Gatto prode
Uccise il topo, e poi mangiò il Formaggio.

Un avido Alleato talor noce

Più che il nemico torbido e feroce.

Донъ Лорензо Пигнотти, о-Пигно-
динъ изъ славнѣйшихъ Италіян-тти.
скихъ баснописцевъ, котораго ба-
сни показались съ тремя стихо-
творными описаніями: 5 изданія
1785 года, въ Луккѣ въ 8ю долю.
Онъ опъ часпи собственнаго его
вымысла; а опъ часпи подража-
нія Французскимъ и Англинскимъ
стихотворцамъ. Очень пріятны,
по легкости писанія и стихосло-
женія.

I PROGETTISTI.

— — — *Quid frustra simulacra fugacia captas?
Quod petis, est nusquam; quod amas, avertere,
perdes.*

OVID.

Ad onta dei Filosofi
Che l'umana ragione onoran tanto
Di doti sì ammirande,
Il numero de' pazzi è molto grande.
V'han de' pazzi insolenti,
V'han de' pazzi innocenti:
V'han de' pazzi furiosî,
Ch'esser denno legati;
V'han de' pazzi graziosi,
Che vanno accarezzati,
Che senza alzar le mani
Con detti, e fatti strani,

Пигно-
мичи.

E coll' umor giocondo
Diverton tutto il mondo.
Ora fra questo numero
Più piacevoli pazzi io non ho visti
Di quei che son chiamati i Progettisti.
Chi senza uscir di camera,
Dall' agil fantasia portato a volo
Scorre per l' oceano
Dall' uno all' altro polo,
Senza timor del vento,
E torna a casa ricco in un momento.
Chi un canal va scavando,
Chi uno stagno asciugando,
Chi stabilisce in queste parti e in quelle,
Colonie, arti novelle.
Chi un istmo romper vuole,
E con non altre spese
Che di poche parole
Arrichisce un paese:
Per costoro sia detta
Questa mia favoletta.

Visse di Costantino

Nella ricca Cittade
Un Turco di cervel non molto fino,
Che per fin dalla culla
Altro non fe che il placido mestiere
Di mangiare e di bere, e non far nulla.^s
Ma morto il di lui Padre, fu finita
Così commoda vita,
E bisognò trovare
Qualche via di campare.
Il buono Ali (ch' era così chiamato)
Col denaro assai scarso ritrovato

Nella cassa paterna
Deliberò di divenir mercante,
E tutto il suo contante
In vetri egli impiegò: questi in un ampia
Paniera tutti pose,
E in vendita li espose;
Davanti a lor s'assise, e mentre intanto
Compratori attendea,
Questi bei sogni entro di se volgea:

 Io questi vetri il doppio venderò;
Di quel che mi costaro,
Onde il denaro mio raddopierò;
E nella stessa guisa
E comprando, e vendendo,
Potrò per breve strada e non fallace
Crescere il capital, quanto mi piaee.
Ricco allor divenuto
Lascierò di vetrajo il mestier vile;
Un legno mercantile
Io condurrò sin nell' Egitto, e poi
Ritornerrò fra noi
Con preziosi merci; e già mi sembra
Di mia nave al ritorno
D'esser fatto il più ricco mercatante
Che si trovi in Levante.
Acquistati i tesori,
S'han da cercar gli onori;
Onde lasciata allor la mercatura
Un Bassà da tre code
Esser creato io voglio:
E se pieno d'orgoglio
Il visir Mustafà
Negar a me volesse

Питно-
шюмо

Пифно-
дшмь.

Si bella dignità,
Ricordati, direi,
Chi fosti e non chi sei!
Di me più vil nascesti — — — e se superbo
Negasse ancor — — — su quell' indegna faccia
Scaricherei colla sdegnosa mano
Di mia vendetta un colpo,
E in quell' informe ventre amisurato
Un calcio tirerei da disperato.

Il disgraziato All' cotanto viva
S'era pinta la scena e così vera,
Che urtò col piè furioso,
E rovesciò sul suol la sua panierà,
E con un calcio solo in un momento
Tutte gettò le sue speranze al vento.

§ 12.

Ла-
фон-
шенъ.
Фран-
цуз-
скій.

Между новыми баснописцами,
Иванъ де ла Фоншенъ, родившій-
ся въ 1621 а умершій въ 1695 го-
ду, дѣлаешъ эпоху преобразования
взоповыхъ басенъ, украсивши о-
ныя многоразличными пріятными
цѣптами стихотворства. Ему въ
особенности приличенъ собствен-
ный его оборотъ (манеръ) коимъ
онъ до того достигнулъ, что не
только Французами, но всѣми Ев-

ропейцами почитаемся за класси-ла.
ческаго писателя, не смотря что Ф о н-
современники почитали его болѣе^{шея}.
проспымъ человекомъ, нежели ве-
ликимъ баснопворцемъ. Онъ при-
родою не слишкомъ былъ одаренъ,
былъ безпеченъ, задумчивъ, не-
ловокъ, говорилъ нескладно, лег-
ковѣренъ, — но нравъ имѣлъ кроп-
кій. Говорятъ: что Лафонпенъ
выслушавъ однажды Мальгербову
оду, почувствовалъ вдохновеніе
Аполлона и принялся писать, а
до того ничего не значилъ, ибо да-
же былъ худо обученъ въ молс-
дости. И такъ Мальгербъ причи-
ною перешней его славы — Но
за то, какая честь и слава Маль-
гербу! — Онъ можетъ своими ода-
ми вселять въ души другихъ вдо-
хновеніе Музъ!

LE RENARD ET LA CICOGNE.

Compere le Renard se mit un jour en frais,
Et retint à diner commere la Cicogne.
Le regal fut petit, et sans beaucoup d'apprêts;
Le Galant pour toute besogne
Avoit un brouet clair, (il vivoit chichement),

Ла- Ce bronet fut par lui servi sur une assiette.
Фон- La Cicogne au long bec n'en put attraper miette;
шенъ. Et le drôle eut lapé le tout en un moment.
Pour se venger de cette tromperie
A quelque tems de là la Cicogne le prie,
Volontiers, lui dit-il; car avec mes amis
Je ne fais point cérémonie.
A l'heure dite il courut au logis
De la Cicogne son hôtesse,
Lona très fort sa politesse,
Trouva le diner cuit a point.
Bon apérit surtout; renards n'en manquent point.
Il se rejouissoit à l'odeur de la viande,
Mise en menus morceaux, et qu'il croyoit friande.
On servit, pour l'embarrasser,
En un vase à long col, et d'etroite embouchure,
Le bec de la Cicogne y pouvoit bien passer,
Mais le museau du Sire étoit d'autre mesure.
Il lui falut à jeun retourner au logis,
Honteux comme un Renard qu'une poule auroit
pris,
Serrant la queue, et portant bas l'oreille.
Trompeurs, c'est pour vous que j'écris;
Attendez-vous à la pareille.

Ла- Годартъ де ла - Монтъ ро-
Монтъ дился 1672. умерь 1731 года. Пло-
довишый и по различнымъ сочине-
нямъ не недостойный стихотво-
рецъ. Хня басни его гораздо у-
спунающъ баснямъ его предше-

снвенника, далеко опходяшь отъ Ла-
проспешы (зоповой; но примѣча- ^{Мощь}
пельны по искусству и ученымъ
знаніямъ. Иногда удаются ему
собственныя его изобрѣшенія. Онъ
былъ современникъ Волтера и Бап-
писпа Русса. Оставилъ 100 ба-
сеаъ.

L'HOMME INSTRUIT DE SON DESTIN.

Un homme avoit un jour obtenu du Destin,
Que de son avenir il lui fit confidence.

Au livre de la providence

Il lut donc tout son sort, ses progrès, et sa fin.

Parmi de menus faits, de grandes aventures

Se déployerent à ses yeux.

Il devoit être Roi, puissant et glorieux,

Et puis captif, et puis mourir dans les tortures.

Ces révolutions sont le plaisir des Dieux.

De tous ces objets quelle idée

Occupe désormais mon pauvre curieux!

Sa mort le suit par tout, son ame intimidée

La souffre à toute heure, en tous lieux.

Le Roi futur, que la frayeur consume,

Se voit dans son affreux chagrin,

Esclave comme Montezume, a)

Grillé comme Gualimosin. b)

a) Empereur de Mexique, fait prisonnier par Fer-
nand Cortez Espagnol, qui conquiert son royaume.

b) Successeur de Montezume qu'on mit sur un
brasier, pour lui faire avouer, où étoit son or.

Ла- Ah, par pitié, grands Dieux, ôtez-moi cet image,
Момшиъ S'écria-t-il. Ses vœux sont exaucés.
Il ne voit plus la mort ni l'esclavage ;
Dans son esprit ce sont traits effacés.
Le voilà donc qui voit en perspective
Le sceptre absolu qui l'attend :
En est-il mieux ? le croyez vous content ?
L'impatience la plus vive
Lui fait un siècle d'un instant.
Quelque faveur que le ciel lui deploye,
Tout est insipide pour lui ;
Où les autres mourroient ne joye
Ce Roi fut séché d'ennui.
Ciel, cria-t-il encor, retranchez les années
Qui me separent de mon bien,
Hâtez mes grandes destinées ;
Hors de-là je ne goûte rien.
Ca, dit le sort, malgré ton imprudence
Je ferai mieux que tu ne veux.
C'en est fait tu va être heureux ;
Je te rends à ton ignorance.
Bon lot ! bien à propos tout homme en fut pourvû ;
Sans cela notre impatience
Feroit un mal d'un bien prévû
Et le mal nous tueroit d'avance.

Рихеръ Не безъ доспоинства и не безъ
напуральнаго изъясненія и ща-
спливаго представленія, сущь ба-
сни Генриха Рихера, родившагося

въ 1685, а умершаго, въ 1748 году. Рижерь
Но менѣе удачны вымыслы сего
стихотворца, и выведенныя изъ
оныхъ нравоученія.

LE HIBOU, L'ALOUETTE, ET LE PAON.

Le Chat-huant disoit un jour aux Oisillons :
Que vous me paroissez avoir la tête folle !
Vous tournez à tout vent. Venez à mon école ;
Je puis vous donner des leçons ;
Pallas m'enseigna la sagesse,
Je suis son oiseau favori ;
Je veux vous faire part de ce présent cheri ;
A votre sort la pitié m'intéresse.
Votre légèreté vous cause bien de maux ;
Mais pour votre bonheur acquérez la prudence.
Une Alouette vint avec impatience
Ce Pedagogue des oiseaux.
Vous ferez mieux de m'écouter, dit-elle.
Je sçais une chanson nouvelle,
Dont l'harmonie et la douceur
Vaudront bien les leçons de Monsieur le Docteur.
Je donne tous les biens en inspirant la joye ;
Et pour vous rendre heureux c'est la plus courte
voye.
Alors un Paon s'écrie : Oiseaux, ne croyez pas
Ce Hibou, ni cette Chanteuse.
Chansons, moralités sont de la viande creuse.
Voulez vous vivre heureux ? Suivez plutôt mes pas.
Je vous invite à prendre un bon repas
Dans une basse cour qui n'est pas écartée.
Le blé, l'orge, le mil, tous grains y sont à tas.

Рихеръ Cette harangue fut goûtée;
Il ne resta pas un seul oisillon,
Pour voir le Hibou, ni la jeune Alouette;
On suivit l'oiseau de Junon.

Le Philosophe et le Poete
Pensent-ils arrêter le Vulgaire glouton?
Abus; l'un chante en vain, l'autre en vain moralise.
Le Vulgaire toujours court où la nape est mise.

Ле-Нобль. Нынѣ меньше всѣхъ читаемый
баснописецъ Французскій есть
Евстахїи Ле-Нобль Генераль-Про-
куроръ Мѣскаго Парламентна ро-
дившійся 1643; а умершій 1711 го-
да. Но при всемъ томъ онъ имѣлъ
ощутельный разумъ, поступки его
не соотвѣтствовали громкой его
фамилїи, и надписи, которую онъ
самъ себѣ оставилъ, и посему не
однажды гостилъ въ шюрмѣ;
жилъ безпорядочно и расточитель-
но всю свою жизнь, которую
кончилъ въ бѣдности. Надлежа-
ло бы такъ случиться, чтобы
Сенш-Северинскій приходъ похо-
ронилъ на свой щопъ ле-Нобля,
который доставилъ болѣе ста ты-

сячь рублей, его Типографщикамъ Ле-
своими сочиненіями! Вошь его над-
пись къ своему портрету, на Ла-
тинскомъ языкѣ осшавленная.

Nobilitas si clara dedit nomengue genusque;

Clarius ingenio, nobiliorque micat.

Invida fortunae sic spernes tela malignae:

Per scopulos virtus saepius astra petit.

Т о е с ш ъ :

Хотя знаменишее благородство доставило
родъ и имя; однакожь благородѣе и славнѣе сѣ-
лаася онъ по разуму; и такъ ненадобно стра-
шилъсь ненависныхъ спрѣлъ злобной форпуны,
когда добродѣтель гораздо чаще чрезъ шерніе воз-
вышается къ небесамъ.

DU RENARD ET DU CORBEAU.

Oh! la dangereuse fumée,

Que celle d'un encens flateur!

Malheur, malheur à ceux, dont l'ame est affamée

D'un mets si doux, si seducteur!

Le corbeau le plus fort en devient imbécile,

Il n'en peut soutenir la traîtresse vapeur;

Et l'on ne trouve point de route plus facile,

Pour entrer dans un foible coeur.

Colas étant un jour de retour du pillage,

Colas, ce glouton de Corbeau,

Tenoit dans son bec un fromage,

Et se percha sur un ormeau.

Л е- Par les croassemens, dont il marquoit sa joie :
Нобль. Un Rénard attiré sous l'arbre se planta,

Et jettant les yeux sur la proie,

De tout son coeur la convoita.

Renard de tout tems par nature

A fait son plaisir d'excroquer,

Et lorsqu'il rencontre pâture,

Il n'est pas bête à la manquer.

Pour une tête moins que la sienne subtile

Il eût été fort difficile

D'arracher du bec de l'oiseau

Si bon morceau.

Mais le drôle étoit trop habile.

Charmant et genereux Corbeau,

Dit-il, sage Nestor, que ton plumage est beau

Sous les plis de la robe noire

Aubin, le jeune Aubin, épris d'un fol amour,

Avec moins d'éclat et de gloire

Se montre aux yeux de la Candeur.

Le Jais auprès de toi n'a qu'un noir sombre et triste,

L'aigle a moins de courage et les yeux moins perçans;

Et si de tes vertus, qui ravissent mes sens,

Je voulois te faire la liste,

Il me faudroit plus de dix ans.

Sur tout tes admirables chants

Sur les airs du fameux Batiste *)

L'ont, à ce qu'on m'a dit, emporté de tout tems.

Oui, croi-moi, sur tous ces talens

C'est ta belle voix qui m'enchanté,

*) Jean Baptiste Luller, fameux Compositeur de
Musique.

Elle passe à mon gré le Luth, le Flageolet;

Ah! que j'aurois l'ame contente,

Si tu m'en fredonnois seulement un couplet!

Ainsi parloit le fin Compère,

Et c'étoit justement par contreverité,

Louer Frobert d'être sincere,

Le vieux Lubin de probité,

Cadmus, de n'être point de soi-même entêté,

Nazica, d'être prompt au raport d'une affaire,

Et d'avoir sur toute matière

Une haute capacité.

Mais de l'encens trompeur, dont son ame est char-
mée,

Le Corbeau gobe la fumée,

Et croiant égaler du moins un Rossignol,

Pour croasser dans son ramage

D'un Opéra moderne un amoureux passage

Il ouvre son bec en bé mol.

Mais en même tems le fromage

Echape, et le Renard, prompt à le ramasser,

L'avale, et rit du personnage,

Qui s'est ainsi laissé sottement amuser.

Ле-
Нобль.

Очень плодовиный и во мнѣ-Доратъ
гихъ, особливо мѣлкихъ спихо-
твореніяхъ, пріятный поэтъ но-
ваго времени, былъ Клавдій, Ио-
сифъ, Доратъ, умершій въ 1780
году. Въ его басняхъ, или фило-

Дорать софскихъ его Аллегоріяхъ, какъ онъ самъ онья называетъ — не легко узнаюпся ему приличный духъ, легкость въ мысляхъ и выраженія, ему одному ствойственныя; опъ чего басни его неопличное мѣсто занимаютъ между его швореніями. Многія басни суть далекія подражанія Лессингу, какъ онъ самъ признается о томъ въ предисловіи.

LA CHOUETTE.

Un Homme erroit sur les décombres
 D'un vieux Palais tout ruiné,
 Repaire aux brigands destiné,
 Et digne de loger des ombres.
 Mon curieux, foulant quelques débris,
 Vit, à deux pas, une Chouette,
 Qui, s'élançant de sa retraite,
 Se jeta sur une souris,
 Et sans pitié devora la grisette.
 Quoi, dit-il, un oiseau penseur,
 Dont la mine est si grave, et qui doit être sage,
 Quoi! Poiseau de Minerve, être ainsi destructeur,
 Choisir sa proie en un si bas étage,
 Croquer le menu-peuple, et prétendre à l'honneur!
 Je ne sais pas, d'où vient tu m'apostrophes,
 Dit le sinistre oiseau. Tout penseur que je suis,

Il faut que je vive --- et je vis.
D'après cela, pauvres souris,
Craignez les Oiseaux philosophes.

*Аббатъ Иванъ Людовикъ Ау-Ау-
бертъ* род. въ 1731; а умеръ 1776 ^{бертъ.}
году. Принадлежитъ къ щастли-
вѣйшимъ подражателямъ Лафон-
теновымъ, только понѣ его шу-
пливѣе и философскій. Вездѣ при-
мѣпно живое остроуміе и уда-
чное повѣствованіе.

LA MERLE.

D'un bois fort écarté les divers habitans,
Animaux, la plupart sauvages, mal-faisans,
De l'homme ignoroient l'existence.
Nos semblables jamais ne pénétrèrent là.
Un merle en un couvent élevé dès l'enfance,
En voyageant au loin parvint à ces gens-là.
Il étoit beau parleur, et sortoit d'une cage,
Où merle de tout tems apprit à s'énoncer
En jeune oiseau dévot et sage.
Son zèle, dans ce bois, eut de quoi s'exercer.
Eclairons, disoit-il, nos freres misérables :
Tout merle, à ce devoir par état engagé,
Plus éclairé, plus saint, doit prêcher ses semblables,
Un jour donc notre oiseau, sur un arbre perché,
Harangua vivement les plus considérables
Entre ces animaux, à son gré si coupables.
Nouveau missionnaire, il suoit en prêchant.

A y-
Septim.

D'abord on ne comprit son discours qu'avec peine,
Il parloit d'un être puissant,
Qu'il nommoit Homme, ayant l'Univers pour do-
maine,

Sachant tout, et pouvant, s'ils ne s'appriivoient,
Détruire par le feu toute leur race entière.

Ours, tigres, sangliers étoient là qui bâilloient :
Mais à ce dernier trait ils dressaient la crinière.

Le Merle, profitant d'un instant précieux,
S'agite, entre en fureur, et déploie à leurs yeux

Les grands traits de l'art oratoire.

(Eschine en ses discours montrait moins d'action;)

On dit qu'il arracha des pleurs à l'auditoire.

Dans le bois, chacun songe à sa conversion

Et tremble d'encourir la vengeance de l'homme.

Sur ce nouveau roi, qu'on leur nomme,

Au docteur Merle ils font cent questions.

L'homme est, répondoit-il, doué par la nature

De toutes les perfections.

Il a donc une belle hure ?

Dit le porc, en l'interrompant.

Sans doute qu'il reçût une trompe en partage ?

Reprit à son tour l'éléphant.

Le tigre prétendoit, qu'il devoit faire rage

Avec ses griffes et ses dents ;

Et l'ours, qu'entre ses bras il étouffoit les gens.

Les foibles s'en formoient des images pareilles,

Et pensoient le douer d'attributs assez beaux,

Le cerf, en lui donnant des jambes de fuseaux,

Et l'âne, de longues oreilles.

Tout ce, qui nous ressemble, est parfait à nos yeux,

D'après leurs traits grossiers, leur instinct vicieux,

Ces animaux peignoient les hommes. Ау-
Et vils insectes que nous sommes, бершъ,
A notre image aussi notre orgueil peint les Dieux.

Бартелеми Имбертъ родился Им-
въ 1747 во многихъ родахъ сочи- бершъ.
неніи прославившійся; но въ по-
вѣствовательномъ плодовиѣйшій
и извѣстный стихотворецъ. Пер-
вою своею піэсою *le Jugement de*
Paris обратилъ на себя вниманіе
всѣхъ, яко и ожиданіе. Изобрѣ-
шеніе содержанія басни, рѣже при-
надлежитъ ему, нежели ея лег-
кость сказа, только-сказъ
иногда бываетъ непочень, и не
всегда приличень.

LE LION JUGE

Un vieux lion se fit dévot,
Comme le diable un jour se fit hermite.
Si sa cour le devint bientôt?
Cela s'entend. La vertu favorite
Du courtisan, c'est l'art de passer dans autrui
Et de prendre en tout sa manière.
Que le Prince tousse aujourd'hui,
Dès demain une cour entière
Va s'enrhumer, pour tousser avec lui:
Temoins les courtisans du lion de ma fable.

И м-
5ептв.

On les voyoit d'un air soumis, assable,
Les yeux baissés, marcher à petit pas,
Préchant la continence de l'humour clément,
Et querellant toujours les plaisirs d'ici bas.
On n'arrivoit au ciel qu'à travers mille peines.
Quelques ours d'un cilice enveloppoient leur peau,
Et plus d'un loup, l'effroi de maint troupeau,
Se distingua par des neuvaines.
Y gaignoit-on d'avoir changé?
Je ne sais : mais vice pour vice,
J'aime assez quelque part qu'il se trouve logé.
Que le scandale m'avertisse.
Cela dit en passant ; revenons au lion.
A tous ses courtisans, sa majesté sauvage
Ordonne un jour, jour de devotion,
Qu'on s'en aille en pèlerinage
Sur le tombeau de l'un de ses ayeux.
De son vivant, toujours chaste et pieux,
En un mot, un saint personnage.
La cour s'en alloit donc en tristes vêtements,
En gros bourdon, en collerette,
Comme on voit s'avancer des pieux Musulmans
Vers le tombeau du saint Prophète ;
Lorsqu'un loup sur la route apperçut un mouton,
Qui loin de son berger trottoit sur la verdure :
Le pèlerin, moins devout que glouton,
Ne pouvant de son ventre appaiser le murmure,
L'attrape, et vous l'étrangle. On l'arrête soudain,
Lorsqu'il alloit l'engloutir dans son sein ;
Et comme un hérétique, un impie, un profane,
Monstre, qu'on eût dû voir en naissant étouffé,
On le présente au Roi, qui d'abord le condamne
▲ faire les honneurs d'un bel *Auto da fé*.

Quoi! tuer, dit le prince, un jour de pénitence! И м-
Manger un jour de jeûne! Oh! le monstre! à la *бернъ*.
mort!

Sire, ai-je dû m'attendre à pareille sentence?

Dit l'accusé: quel est mon sort!

Quand j'ai vu ce mouton, être fort inutile

Dans les états, où vous donnez la loi,

Aussitôt pensant à mon roi,

J'avois pour son sôper tué cet imbecile.

Il est encor entier. — Oh! oh! c'étoit pour moi?

Oui, Sire. — Eh! suspendez! hola! plus de suppli-
ces,

Il est bon patriote, et fidèle sujet;

De Conseiller d'Etat qu'on lui donne un brevet,

Pour payer ses heureux services.

Tels jugemens sont communs aujourd'hui.

L'homme, à son équité, lorsque rien ne s'oppose,

Sur le code reçu, juge fort bien autrui.

Voit-il son intérêt se mêler à la cause;

Il se fait un code pour lui.

Одно изъ новѣйшихъ собраній Дидотъ
басень въ Французскихъ сѣпихахъ,
находится собраніе *Дидота* стар-
шаго сына достойнаго Типограф-
щика Франц: Амбр. Дидота, ко-
торый басни сіи, какъ равномѣр-
но многія другія шворенія Фран-
цузскихъ стихопворцовъ съ опла-
чнымъ искусствомъ напечаталъ въ
1786 году, въ 12 долю.

ДИДОШЪ

LA COURSE DE CHEVAUX.

Juste milieu que l'on ignore,
Qu'en tout la raison a placé,
Tel depuis long-tems t'a passé
Qui pour t'attraper court encore.
Trois chevaux forts, et souples du jarret
De taille égale et de même encolure,
Ensemble un jour firent une gageure
A qui plutôt au but arriveroit.
Il étoit loin ; mais ils étoient agiles,
Et se flattoient, par des moyens divers,
De parcourir le plutôt trente milles :
Deux cependant s'y prirent de travers.
Impatient, l'un hennit et s'agite,
Et sans laisser la trace de ses pas,
Au signal tout-a coup il s'échappe au plus vite,
Le second part au trot, et le troisieme au pas.
Celui-ci prétendoit, qu'en restant en arriere
Il les auroit incontinent trouvés
Sur le chemin fatigués ou crevés ;
Et toujours à son pas poursuivait sa carrière.
Pour le second, qui ne partit qu'au trot,
Il alla loin sans joindre son confrere,
Et cependant ne se pressa pas trop :
Il savoit bien, que l'excès est contraire.
Enfin, enfin, ayant long-tems couru,
Il le trouva de fatigue abattu,
Languissamment étendu sur la terre.
Notre essoufflé l'entend, reprend vigueur ;
Mais il ne peut rejoindre le trotteur,
Qui jusqu'au bout conserva son allure,
Toucha le but, et gagna la gageure.
L'heureux vainqueur, par son succès,
Leur prouva ce trait de morale :

Qu'il faut savoir tenir entre les deux excès
Le milieu le plus juste et la balance égale.

Дидотъ

Окончимъ Французскихъ ба-фло-снописцевъ любезнымъ и пріятн-ріанъ-нымъ писателемъ Флоріаномъ, у котораго между прочими сочиненіями извѣстны басни, кои можеть быть ни чуть не уступятъ Лафоншеновымъ, и копорыя можеть быть однѣ, могушь состязаться съ баснями Лафоншена (*). Тотъ же манеръ, шаловкость, ша живость въ каршинахъ. — Флоріана не совсѣмъ можно почестъ подражателемъ Лафоншену, ибо естли бы Лафоншенъ жилъ послѣ Флоріана, то принужденъ бы былъ подражать Флоріану, шакъ они сближаются другъ съ другомъ.

(*) Здѣсь разумѣшь должно только Французскіе басни; ибо въ одной землѣ найдеться баснописецъ, не уступающій Лафоншену, и сей баснописецъ. . . . но увидите ниже.

Фло-
рианъ.

LES SINGES ET LE LEOPARD.

Des singes dans un bois jouoient à la main chaude;
Certaine guenon mauricande,
Assise gravement, tenoit sur ses genoux
La tête de celui qui, courbant son échine,
Sur sa main recevoit les coups.
On frappoit fort, et puis devine!
Il ne devinoit point; c'étoit alors des ris,
Des sauts, des gambades, des cris.
Attiré par le bruit du fond de sa tanière.
Un jeune léopard, prince assez debonnaire,
Se presente au milieu de nos singes joyeux.
Tout tremble à son aspect. Continuez vos jeux,
Leur dit le léopard, je n'en veux à personne:
Rassurez-vous, j'ai l'ame bonne;
Et je viens même ici, comme particulier.
A vos plaisirs m'associer.
Jouons, je suis de la partie.
Ah! monseigneur, quelle bonté!
Quoi! votre altesse veut, quittant sa dignité.
Descendre jusqu'à nous! — Oii, c'est ma fantaisie.
Mon altesse eut toujours de la philosophie,
Et sait que tous les animaux
Sont égaux.
Jouons donc, mes amis, jouons, je vous en prie.
Les singes enchantés crurent à ce discours,
Comme l'on y croira toujours.
Toute la troupe joviale
Se remet à jouer: un d'entre eux tend la main,
Le léopard frappe, et soudain
On voit couler du sang sous la griffe royale.
Le singe cette fois devina qui frappoit:

Mais il s'en alla sans le dire.
Ses compagnons faisoient semblant de rire,
Et le léopard seul rioit.
Bientôt chacun s'excuse, et s'échappe à la hâte
En se disant entre leurs dents :
Ne jouons point avec les grands ;
Le plus doux a toujours des griffes à la patte.

Фло-
ріанъ.

Теперь приступимъ къ Анг-
линскимъ баснопворцамъ.

§ 13.

Каковъ у Французовъ Ла-Фон-Гай Ан-
шень, таковъ у Англичанъ *Іонъ*<sup>глин-
скій.</sup> *Гай*, одинъ изъ ихъ пріятнѣй-
шихъ стихотворцевъ, копорый
съ 1688 процвѣталъ по 1732 годъ.
Его басни соспоящія изъ двухъ
частей, изъ коихъ вторая почти
вся содержишь политическія ма-
шеріи, показались: первая 1726; а
вторая уже по его смерти, и объ
съ сего времени часто перепеча-
тывались. Онъ (какъ Іонсонъ о-
чень справедливо примѣчаетъ)
суть, болѣе повѣствованія и Ал-
легоріи, изъ коихъ нѣкоторымъ

Гай. не доставить нравоченія, нежели такъ называемыя басни. Но между пѣмъ онѣ живо расказаны, щасливо представлены и съ хорошимъ стихосложеніемъ. — Роль какъ онъ зывается о славомъ Гаѣ, извѣстный еще буртъ въ своемъ сбраніи при иѣровѣ, касающихся къ Теоріи и Литтературѣ изящныхъ наукъ. И такъ не только позволено въ судѣ Мейнера усумниться, какой онъ дѣлаетъ великому сему баснопворцу; но можно прибавить, что Г. Мейнеръ жестокій надъ нимъ производитъ приговоръ, объясняясь такимъ образомъ. „Вразсужденіи басни, Англичанѣ всѣхъ скуднѣе, даже Гай можетъ равняться съ Нѣмецкими баснопворцами только ввторой степени (*) дабы болѣе заштили Гая и оправдать свое сомнѣніе въ разсужденіи Г. Мейнер-

(*) Смолр. ввтор. часть главнаго начертанія Теоріи и Исторіи изящныхъ наукъ. Слр. 268. Рускаго перевода.

са, слѣдуетъ здѣсь баснь Гая, съ Гай.
сужденіемъ объ ней Мейнерса,
и вторая чаша вѣдямъ болѣе дока-
жетъ несравненное искусство Ан-
глинскаго баснотворца, нежели
всѣ мои похвалы. Вотъ она, но
только ослабленная моимъ пере-
водомъ и въ началѣ перемѣнена.

Книгопродавецъ и Слоно.

Зашелъ слонъ мудрый въ книжную лавку.

Зачемъ? — не книги ли читать!...

Когда не вѣрите, извольте сдѣлать справку,
Изъ Бора, Плинія, вы можете узнать,

Сколь въ древности слоны учены были

Они по Гречески читали — говорили

И славилась большимъ умомъ!

На шесть слонова посвященья

Во мнѣ ни мало нѣтъ сомнѣнья —

И въ наши времена Французскимъ языкомъ

Премножество звѣрей болтаютъ.

И хорошо языкъ Французскій понимаютъ

Сороки гапки и грачи

Легавы, мопсы, и борзья

И попугай шолкачи

Фидельки, шавки и другія,

Извольте такъ языкъ Французскій понимать,

Что думаю наврядъ,

Съ звѣрьками сими створятъ, —

И наши барыни инья!

Гай.

За чѣмъ же сомнѣвались намъ,
На Плинія не полагайся,
Что мудрымъ будто бы слонамъ.
По Гречески не можно было изъясняйся? —
На шестъ учености слона
Когда чипашель мой увѣренъ
Я басню продолжаю намѣренъ
И вотъ она : (*)

Слонъ описаніе живописныхъ описавши,
И со вниманьемъ прочитавши,
Съ начала долго хохоталъ,
Потомъ такъ книжнику сказавъ:
„Лишь человекъ, краса вселенной!
По утвержденію писателя сего
Умомъ одинъ лишь одаренный.
А въ прочихъ звѣряхъ нѣтъ его.
Но если вникнемъ въ сочиненье,
Какъ сочинитель судитъ въ немъ,
То можно сдѣлать заключенье
Пренеошибочное въ томъ:
Что авторъ самъ ниже умомъ,
Ниже инспектомъ управлялся,
Которымъ насъ онъ всѣхъ даритъ.
И можноль, чтобы поэтъ и самъ не заблуждался.
И могъ бы начертить
Всѣхъ шварей свойства справедливо, —
Кто собственну свою напуру знаетъ живо.
Смотрите: какъ онъ описавъ
Постельную собачку ложно.
Ахъ! сколько при дворахъ ей поучиться должно!
Далеко отъ дворовъ собакій родъ отспавъ!

(*) Теперь слѣдуетъ Гаева басня. Онъ въ при-
ступѣ говоритъ о путешественникахъ.

А хитроумнымъ лисы кто спячень удивляться! Гай.
Ну можетъ ли она съ приказными равняться?

Она передъ крючкомъ

Осель, осломъ.

Льва, шигра, леопарда, волка

За кровожадность всѣхъ клянущъ.

И пушъ,

У автора не много толка.

Какъ будто люди межъ собой

Живущъ душой одной!

Добычею другъ другу не бивающъ?

Подобно имъ они другъ друга умерщвляютъ.

Хозяинъ книгъ опъ зшихъ словъ

Пришелъ въ такое умиленье —

Онъ предъ слономъ былъ насъ готовъ.

Чтобъ изъявить ему почтение,

Онъ скинулъ шляпу — къ мудрецу

Съ улыбкой ангела подходитъ

И разговоръ такой заводитъ

Какой приличенъ лишь купцу:

Ахъ государь милоспивѣйшій!

Ужъ какъ меня бы вы одолжилъ,

Когда бы коммунарій элѣйшій

На что нибудь вы сочинилъ,

Или изъ Греческой книжонки,

Нельзя ли что нибудь издашь?

Абъ вамъ хорши далъ деньжонки,

Опнудъ не спалъ бы урижимать.

Въ насмѣшку слонъ книгопродавцу

Наморщивъ длинный хоботъ свой,

Такъ опвѣчалъ сему мерзавцу:

Мнѣ нѣшу нужды никакой

Въ своихъ деньгахъ, пришелъ мой.

Гай. Храни ихъ для себя, да лучше будь умнѣе.
Пусть люди, на людей свой изливаютьъ ядъ,
Въ нихъ зависть дѣйствуетъ сильнѣе
Чѣмъ ожиданіе награды.

Вопль какъ изъясняется Г. Мейнерсъ объ этой басни: *не уло-
минная о колкомъ противъ людей
расположеніи сей басни, всякъ по-
чувствуетъ, что слону по Грече-
ски читать, дѣлать сравненіе
между людьми и звѣрьми, и и-
мѣть такіе переговоры съ кни-
гопродавцемъ вовсе не возможно.*
Сіи слова (ежели позволяютъ сдѣ-
лать скромное замѣчаніе) неспра-
вѣдливы, и даже смѣю сказать —
неопредѣлительны; ибо ихъ мож-
но приурочить ко всякой басни.
Какую не возьмемъ басню, вездѣ
найдемъ говорящаго или человѣка
съ животнымъ, или съ неодуше-
вленной вещію, или живописное
съ животнымъ и т. дал. Но кро-
мѣ человѣка никто не одаренъ
способностію говорить; а посему
прочимъ шварямъ (не упоминаю

уже о вещахъ) *вовсе* перегово- Гай.
ровѣ. *или*тъ невозможно. И въ раз-
сужденіи колкости прошивъ лю-
дей находящейся въ сей басни, не
можно съ мѣнѣемъ Г. Мейнера
согласиться. Ибо когда уже поз-
волено живописнымъ говоришь въ
басняхъ — и говоришь, иногда ум-
но, иногда прогапельно, шупли-
во и проч. смотря по обстоятель-
ствамъ. — То для чего же запре-
щашь имъ, выражаться рѣзко, или
колко? Мнѣ кажется можно до-
пустишь, чѣмъ звѣри въ бас-
няхъ излагали даже канповы ка-
шегоріи; можно позволишь имъ,
чѣмъ они читали и писали! Ибо,
когда мы читаемъ баснь, то ни-
кто изъ насъ не думаетъ, что
подлинно *на пр.* Лисица увиваетъ
Льву. Всегда разумѣемъ мы *людей*;
а людямъ философствовать, чи-
тать, колко говоришь и писать
очень естественна и свойственна.

Денисъ Мжду Англинскими басно-
творцами извѣсны еще: *Карлъ*
Денисъ; (котораго не должно смѣ-
шивать съ славнымъ стихотвор-
цемъ и криптикомъ *Иономъ Дени-*
сомъ) но онъ далеко опшсупаеиъ
опъ *Гая*, по посредствениости да-
рованій.

THE FOX AND THE GRAPES.

A Fox once chanc'd some grapes to spy,
Plump, luscious, tempting to the eye,
And much he long'd some few to munch:
But by ill luck they hung so high,
He could not reach a bunch,
At which he cried, quite in a huff,
I would not leave a hair in pledge,
For a whole bushel of this stuff;
No need to taste, the sight 's enough:
Their very looks have set my teeth an edge,
Whenever an attempt proves vain,
As well to sneer, as to complain.

Мооръ. Извѣстенъ такъ же и *Эдвардъ*
Мооръ, коего басни *Г. Вейссе* перс-
велъ на Нѣмецкій азыкъ прозою.

THE GOOSE AND THE SWANS.

Моръ.

I hate the face, however fair,
That carries an affected air,
The lisping tone, the shape constrain'd,
The studied look, the passion feign'd,
Are soppeies, which only tend
To injure, what they strive to mend.

With what superior grace enchants
The face, which Nature's pencil paints,
Where eyes, unexercis'd in art
Glow with the meaning of the heart,
Where freedom and good humour sit,
And easy gaiety and wit!
Tho' perfect beauty be not there,
The master lines, the finish'd air,
We catch from ev'ry look delight,
And grow enamour'd at the sight:
For beauty, tho' we all approve,
Excites our wonder more than love,
While the agreeable strikes sure,
And gives the wounds, we cannot cure.

Why then, my Amoret! this care,
That forms you in effect less fair?
If Nature on your cheek bestows
A bloom that emulates the rose,
Or from some heav'nly image drew
A form, Apelles never knew,
Your ill-judg'd aid will you impart,
And spoil by meretricious art?
Or had you, Nature's error, come
Abortive from the mother's womb,
Your forming care she still rejects,
Which only heightens her defects.

Moopъ. When such, of glitt'ring jewels proud,
Still press the foremost in the crowd,
At every publick show are seen,
With look awry and awkward mien,
The gaudy dress attracts the eye,
And magnifies deformity.

Nature may underdo her part,
But seldom wants the help of art:
Trust her, she is your surest friend,
Nor made your form for you to mend.

A Goose affected, empty: vain,
The shrillest of the cackling train,
With proud and elevated crest
Precedence claim'd above the rest.

Says she, „I laugh at human race,
„Who say, Geese hobble in their pace:
„Look here! the stand'rous lie detect;
„Not haughty man is so erect.
„That peacock yonder, Lord! how vain
„The creature is of his gaudy train!
„If both were stript, I'd pawn my word,
„A Goose would be the finer bird.
„Nature, to hide her own defects,
„Her bungled work with finery decks;
„Weere Geese set off with half that show,
„Would men admire the peacock? No.“

Thus vaunting cross the mead she stalks,
The cackling breed attend her walks;
The sun shot down his noontide beams,
The Swans wens sporting in the streams;
Their snowy plumes and stately pride

Provok'd her spleen: „Why there,“ she cry'd,
„Again what arrogance we see!

„Those creatures! how they mimick me!
„Shall ev'ry fowl the waters skim,
„Because we Geese are known to swim?
„Humility they soon shall learn,
„And their own emptiness discern.“

So saying, with extended wings
Lightly upon the wave she springs,
Her bosom swells, she spreads her plumes,
And the Swan's stately crest assumes,
Contempt and mockery ensues,
And bursts of laughter shook the flood.

A Swan superiour to the rest
Sprung forth, and thus the fool address:

„Conceited thing! elate with pride,
„Thy affectation all deride;
„These airs thy awkwardness impart,
„And shew thee plainly as thou art.
„Among thy equals of the flock
„Thou hadst escap'd the publick mock;
„And, as thy parts to good conduce,
„Been deem'd an honest hobbling Goose.“

Learn hence to study wisdom's rules;
Know, if ppry is the pride of fools;
And striving Nature to conceal,
You only her defects reveal.

Много предположенной краткости нашей, помѣшалъ намъ Гай, славный ба. нописецъ Англии; теперь приступимъ къ Нѣмецкимъ писателямъ.

Бонеръ
Нѣмец-
кій.

Бонеръ, такъ на ылася сочи-
ишель, шакъ называемыхъ басень
опъ время der Minnesinger, а
не такъ, какъ Готтшедъ и Швей-
царскіе издатели его называ-
юшъ п. е. *Ринденбергомъ* или
Ринденбергомъ. О его жизни до
сихъ поръ никакого не найдено
извѣстія. Басни его заслуживаютъ
все вниманіе, не смотря на дре-
вность слога.

VOM UNWERTHEN AMT.

Von einem Bischof liest man das,
Dafs er in hohen Ehren safs;
Gelehrter Pfaffen hett er viel,
Sein Wirdigkeit was ohn Ziel.
Nun hett er einen Jüngling,
Einen Schüler kundig auf alle Ding,
Bei einem, das was seines Vetterns Kind,
Des was der Bischof gar geminnt. 1)
Er hett auch einen weisen Mann
Zu Erzpriester gesetzt hintan. 2)
Nun fügt es sich auf einen Tag,
Dafs der Erzpriester siech lag,
Und also siech was, dafs er starb;

1) Den hatte der Bischof sehr lieb. 2) angesetzt.

Der Jüngling um das Ampt warb
Der Bischof thet als er begert,
Doch des Amptes was er unwerth.
Darnach nicht lange ward gespart, 3)
Dem Bischof gesendet ward
Ein Korb, was guter Birnen voll;
Des danket er dem Boten wohl.
Gar lieb war ihm dießs Gesandt. 4)
Zu den Seinen sprach er zuhand: 5)
Wem mag ich getrauen wohl,
Der mir der Birn hüten soll?
Würde mir der Birn eine verlorn,
Das wär mir nit ein kleiner Zorn. 6)
Zu dem Jünglinge sprach er do;
Mich dünkt, du seyst zu dünn 7) dazu.
Der Birn ich dir getrauen soll?
Ein bessern Hüter find' ich wohl.
Ich fürcht, gäb' ich dir den Gewalt,
Sie würden gessen ungezählt. 8)
Ich wil mit nichten der Birne dir
Getrauen, das gelaube mir!
Diese Rede hört ein weiser Mann.
Mit Ernst sah er den Bischof an.
Er sprach: nun erbarm es Gott.
Dafs Ihr begangen habt den Spott, 9)
Dafs Ihr befohlen habt mancherhand
Dem, der Euch was bekannt,
Sein Kindheit und sein Jugend,

3) verfloß nicht lange Zeit. 4) dießs zugesandte Geschenk. 5) sogleich. 6) kein kleiner Verdruß. 7) zu unzuverlässig. 8) ungezählt. 9) das schimpfliche Vergehen.

Бонеръ Davon Ihr immer muget
 Ungemach haben und Leid.
 Dem Ihr die Eirnen habt verseit, 10)
 Der soll der Seele Pfleger wesen? 11)
 Wie mag denn genesen
 Das Schaf, so der Wolf zum Hirten wird
 Und auf der Strafe wird verirrt?
 Wo der Blinde führen soll
 Den Blinden, fallen sie beide wohl.
 Die Schafe gar verirret sind,
 Wenn zu einem Hirten wird ein Kind,
 Wie berichtet 12) der einen Mann,
 Der sich selber nicht berichten kann?
 Wie mag der gespeisen wohl,
 Der da immer wird voll,
 Und lebt in steter Geitigkeit? 13)
 Zu scheeren sind alle bereit.
 Speisten sie die Schaf also gern, 14)
 Als wohl sie die Schaf können scheern:
 Die Schaf stünden dester bafs. 15)
 Nun geht ihr arger List auf das, 16)
 Wie die Schaf werden geschoren.
 Ob die Seele wird verloren,
 Darauf haben sie versorget gar. 17)
 Sie achten nit wie ihr Seel gefahr.
 Der weise Bischof der befahl
 Dem Jungen der Seelen ohne Zahl,
 Und wollt ihm befehlen nicht

10) versagt. 11) seyn. 12) weist der Jemand zu-
 rechte. 13) Geiz, Habsucht. 14) eben so gern.
 15) desto besser. 16) ihr seid sehr vorsich-
 tig darüber. 17) tragen sie gar keine Sorge.

Die Birnen! Das noch oft geschicht,
Dafs der Seelen hüten soll,
Dem man über ein Birn nit getrauet wohl.

Бонеръ

Буркардъ, Вальдисъ монахъ Бур-кардъ Вальдисъ.
жившій въ половинѣ 16 стол. ос-
тавилъ 400 басень, ошъ части Вальдисъ.
Езоповыхъ, ошъ части новыхъ и
другихъ писателей въ 4 книгахъ.
Хотя древній, но доспопримѣча-
тельный стихотворецъ. Любопы-
тные могутъ сравнить нѣкопо-
рья его басни, съ баснями Геллер-
та, а особливо *Юношу Лжеца*, ко-
торый такъ хорошо описанъ и у
насъ извѣстнымъ *Крыловымъ*.

VOM LUEGENHAFFTEN JUENGLING.

Sich zu versuchen ein junger Knab
Weit hin in fremde Land' begab,
Dafs er viel sähe, hört' mancherlei,
War aus ungefähr ein Jahr, zwei, drei;
Als er nun wieder heim hin kam,
Sein Vater ihn einst mit sich nahm,
Dafs er Gesellschaft hätt' und Kurzweil, 1)
Zu einer Stadt über zwei Meil.
Da schwatzten sie von mancherhanden; 2)

1) Zeitvertreib. 2) von allerlei.

Бур-
кардъ
Валь-
дисъ.

Der Vater fragt, was er in Landen
Von Wunder gsehn und seltsam Thier.

Er sprach, Vater, nun glaubet mir,
Am Meer zu Lissabon im Sund

Sah ich so gar ein grossen Hund,
Der ward geschätzt viel Tausend werth;

Und war viel gröfser denn ein Pferd.

Der Vater b'gunt 3) die Lügen merken;

Sprach, hab bei allen geschaffnen Werken
Dessgleich nicht gsehn, gehört, noch gelesen;

Es ist ein großer Hund gewesen.

Doch findt man gar viel seltsam Stücken.

Gleich wie da vor uns ist ein' Brücken;

Wer des Tags hat ein' Lüg' gelogen,

Und kommt daselbst hinüber gezogen,

Sey selbender oder allein,

Mitten auf der Brü ke bricht ein Bein.

Der Knab' erschrak, wollt' doch nicht gern

Ein Lügner seyn, der Ehr, entbehren.

Begab sich über ein' ebne Weil,

Sprach: Vater, wollet nicht so eil'n;

Sagt mir auch etwan seltsam Schwänk'?

Er sprach, des Hund's ich noch gedenk,

Der ist gewesen ohne Mofs. 4)

Er sprach, er war nicht also groß;

Wenn ich die Wahrheit sagen soll,

Wie sonst ein Esel war er wohl.

Da b'gunten sie der Brücke nahen.

Er sprach, ich kann mich nicht entschlahen 5)

Der G'danken dieses Hundes halb;

Sprach, er war wie ein jährig Kalb.

3) fieng an. 4) ohne Maaß. 5) nicht erwehren.

Sie giengen fort bis um Mittag,
Und dafs die Brück' da vor ihn'n lag.
Der Knab' sprach, wollt Euch nicht bekümmern;
Ich kann Euch zwar verhalten immer
Den Schwank, den ich Euch vom Hunde sagt,
Damit Ihr mich nicht weiter fragt:
Er war gleich wie ein andrer Hund;
Denn 6) dafs er um und um war bunt
Und scheckicht über seinen Rücken.
Er sprach, so ist euch diese Brücken
Gar nicht schädlicher denn die andern;
Magst wohl unbeschädigt drüber wandern.
Allein hüt dich ein andermal;
Wenn du willst lügen, b'denk dich wohl,
Dafs du also gar krumb nicht draifst, 7)
Dafs du es auch zu fidern 8) weist.

Бур-⁷
кардъ
Баль-
дисъ.

Wer sich aufs Singen soll begeben,
Der muß nicht allzu hoch anheben,
Dafs ers auch kann zum End' ausschreien.
Also, wem's Lügen will gedeihen,
Der muß nicht nauf in d' Wolken treiben,
Hienieden bei der Erden bleiben.
Sonst gehts ihm wie dem Edelmann,
Der nahm sich großer Lügen an,
Zeugt 9) mit sein Knecht, der bei ihm war,
Ders ihm verjal. 10) ganz und gar,
Damit der Junker blieb bei Ehren.
Als er nun thät die Lüg' vermehren,

6) Aufser, dafs. 7) drehest. 8) zu verantworten. 9)
rief ihn zum Zeugen. 10) bekräftigt.

Бур-
кардъ
Валь-
дисъ.

Und log von Lüften und den Winden,
Drauf konnt' der Knecht kein' Antwort finden,
Und sprach zum Junker: Nicht also!
Wollt Ihr Eurs Lügens werden froh,
So bleibt hienieden bei der Erden,
Auf das Euch mög' geholfen werden.
Denn wenn Ihrs allzu grob wollt spinnen,
Werd't Ihrs zuletzt nich fedmen 11) können.

Фонъ
Гаге-
дорнъ.

Между прочими услугами, ка-
кія оказалъ *Фридрихъ фонъ Га-
гедорнъ* Нѣмецкой словесности,
жившій съ 1708 по 1754 годъ, по
большой части въ Гамбургѣ, от-
личаются и его басни. Манеръ его
по большой части Лафоншенев-
ской, а многія басни его изо-
брѣшенія. Въ обоихъ случаяхъ
имѣлъ онъ много и своего ориги-
нальнаго. Онъ имѣлъ дарованіе сое-
динять поученіе съ любезностію
и шуткою. Прославлялъ по пере-
мѣнно любовь и добродѣшель, ви-
но и мудрость.

11) einfädeln.

DER FUCHS UND DER BOCK.

Einst reiste Meister Fuchs zu seinem Schwäger, **ФОНЪ**
Im schwülen Sommer über Feld; **Гаре-**
Es hatte sich zu ihm der Ziegenbock gesellt, **ДОРНЪ.**
Der dumm und sicher war, wie viele Hörnerträger.

Ein Abweg führte sie vor eines Pächters Haus,
Da ward für ihren Durst ein Schöpfbrunn ange-
troffen.

Hier tranken beyderseits. Das heiß ich recht ge-
soffen!

Hub Reinke bellend an; und zum vollkommenen
Schmaus

Fehlt nur ein feister Hahn: der Hünenstall steht
offen;

Wie aber kömmt man hier heraus?

Mein Herr! darf ich den Anschlag geben,

So stellen Sie den Rücken hin;

Sobald ich aus dem Brunnen bin,

Ists Ihrem Diener leicht, Sie schuldigst nachzugehen!

Ha! meckerte der Bock: nichts kann geschiedter
seyn.

Bey meinem Bart! mir fiel der Streich nicht ein.

Die klugen Köpfe sollen leben!

Hierauf bequemt er sich, und dienet ihm zur
Brücke;

Allein der Fuchs läßt seinen Freund zurücke,

Und sagt: Voritzt entschuldge mich;

Mein Schwager wartet schon; sonst wollt ich bey
dir bleiben.

Dort jene Zinge guckt auf dich,

Sie wird dir unterdeß die Zeit recht wohl ver-
treiben.

Фонъ Der Falsche rennt davon, und läßt mit scheelem
 Гаре- Blick
 дорнъ. Dem armen Bock nur diesen Trost zurück :
 Sobald wirst du dich nicht des Rettens unterfangen,
 Bevor du selbst der Noth entgangen.
 Du murrest ; fasse dich ; der Mensch ist deiner Art :
 Oft steckt sein Wissen nur im Bart.

Гел- Ни одинъ Нѣмецкій стихо-
 лертъ. творецъ не приобрѣлъ такого вни-
 манія всѣхъ , какъ *Христианъ* ,
Фирхтеготъ Геллертъ родившійся
 1715 а умер. 1769 Профессоромъ
 въ Лейпцигѣ. Мужъ сей былъ
 тихъ и пріязненъ , имѣлъ великое
 множество учениковъ , и умѣлъ
 вдохнуть въ нихъ любовь къ до-
 бродѣтели. Его уважилъ самый
 простой народъ. Вопрь доказа-
 тельство достоинства его ба-
 сенъ : нѣкогда вначалѣ холодной
 зимы пріѣхалъ въ Лейпцигъ одинъ
 Саксонскій мужикъ и привезъ
 нѣсколько дровъ. Онъ оспановился
 у Геллертовыхъ воротъ и встрѣ-
 шившись съ нимъ самимъ , спро-
 силъ у него , не онъ ли попь

господинъ, который сочиняетъ Гел-
такія прекрасныя басни. А какъ ^{лертъ.}
Геллертъ отвѣчалъ, что это онъ;
погда крестьянинъ, съ великою
радоспю предложилъ ему при-
нять дрова, которые привезъ онъ
собспвенно для него въ знакъ бла-
годарности и за то удовольспвіе,
какое доставило ему чпеніе его
басенъ. Король Прускій всегда оп-
зывался объ немъ съ почтеніемъ,
и въ одномъ изъ своихъ писемъ
описалъ его справедливо, называя
его весьма любезнымъ человѣкомъ,
чистосердечнымъ, тихимъ и пре-
опважнымъ философомъ и пр:
басни его и письма переведены
на Французскій и ожидаютъ луч-
шаго перевода на Россійскій, не-
жели каковъ есть у насъ.

DER JÜNGLING UND DER GREIS.

Wie fang ichs an, um mich empor zu schwingen?

Fragt einst ein Jüngling einen Greis.

Der Mittel, fieng er an, um es recht hoch zu brin-
gen,

Sind zwei, bis drei, so viel ich weiß.

Seid tapfer! Mancher ist gestiegen,

Гел- Weil er entschlossen in Gefahr,
лорпъ. Ein Feind von Ruh und von Vergnügen,
Und durstig nach der Ehre war.
Seid weise, Sohn! den Niedrigsten auf Erden
Ist oft durch Witz und durch Verstand geglückt,
Am Hofe groß, groß in der Stadt zu werden;
Zu beiden macht man sich durch Zeit und Fleiß
geschickt.
Dies sind die Mittel großer Seelen.
„Doch sind sie schwer. Ich wills Ihm nicht ver-
heelen,
„Ich habe leichtere gehofft.“
Gut, sprach der Greis, wollt Ihr ein leichtes
wählen:
So seid ein Narr; auch Narren steigen oft.

Лих-
тверъ.

Магнусъ Готфридъ Лихтверъ
род. въ 1719 а умер. въ Гальбершта-
тѣ 1783, содержанія нѣкоторыхъ
его басенъ довольно щасливны,
пріятны и занимательны; но тонъ
его не всегда ровень; и по боль-
шой части утомителенъ. Сіе по-
будило Профессора Рамлера снова
издать и исправить его басни,
что Лихтверу не показалось и за-
ставило его самому пересмо-
трѣть и издать еще разъ, съ но-
выми и удачными поправками.

DIE SELTSAMEN MENSCHEN.

Ein Mann, der in der Welt sich trefflich umge- *Лих-*
sehn, *шверъ.*

Kam endlich heim von seiner Reise.

Die Freunde liefen schaaarenweise.

Und grüßten ihren Freund; so pflegt es zu ge-
schehn;

Da hiefs es allemal: Uns freut von ganzer Seele
Dich hier zu sehn; und nun — Erzähle!

Was ward da nicht erzählt! — Hört, sprach er
einst, ihr wißt,

Wie weit von unsrer Stadt zu den Huronen ist.

Eilf hundert Meilen hinter ihnen

Sind Menschen, die mir seltsam schienen.

Sie sitzen oft bis in die Nacht

Beysammen fest auf Einer Stelle,

Und denken nicht an Gott noch Hölle.

Da wird kein Tisch gedeckt, kein Mund wird nafs
gemacht;

Es könnten um sie her die Donnerkeile blitzen,

Zwey Heer' im Kampfe stehn; sollt' auch der Him-
mel schon

Mit Krachen seinen Einfall drohn,

Sie blieben ungestöret sitzen;

Denn sie sind taub und stumm. Doch läßt sich
dann und wann

Ein halbgebrochner Laut aus ihrem Munde hören,

Der nicht zusammenhängt, und wenig sagen kann,

Ob sie die Augen schon darüber oft verkehren.

Man sah mich oft erstaunt zu ihrer Seite stehen;

Denn, wenn dergleichen Ding geschieht,

So pflegt man öfters hinzugehen,

Dafs man die Leute sitzen sieht.

Лях- Гlaubt, Brüder, daß mir nie die gräßlichen Ge-
тверь. behrden

Aus dem Gemütthe kommen werden,
Die ich an ihnen sah, Verzweiflung, Raseri,
Boshafte Freud', und Angst dabei,
Die wechselten in den Gesichtern.
Sie schienen mir, das schwör' ich euch,
An Wuth den Furien, an Ernst den Höllenrich-
tern,
An Angst den Missethättern gleich.

Allein, was ist ihr Zweck? so fragten hier die
Freunde.

Vielleicht besorgen sie die Wohlfahrt der Ge-
meinda?

Ach nein! — So suchen sie der Weisen Stein? —
Ihr irrt. —

So wollen sie des Zirkels Viereck finden? —

Nein! — So bereun sie alte Sünden?

Das ist es alles nicht — So sind sie gar verwirrt,

Wenn sie nicht hören, reden, fühlen,

Noch sehn; was thun sie denn? — Sie spielen.

Глеймъ Сего славнаго писателя Нѣмец-
каго *Йоганна Вильгельма Людовика*
Глейма, род. 1719 года, отличавши-
ся между многими другими сти-
хотвореніями, особенно лириче-
скими, басни его, вышедшія въ 1787
въ Берлинѣ, искуснымъ и есте-
ственнымъ изложеніемъ, щасшли-

ВЫМИ мыслями, изобрѣшеніемъ Глеймъ
и живыми представленіями.

DIE BIENE.

Eine kleine Biene flog
Emsig hin und her, und sog
Süßigkeit aus allen Blumen.

Bienchen, spricht die Gärtnerin,
Die sie bei der Arbeit trifft,

{ Manche Blume hat doch Gift;
Und du saugst aus allen Blumen?

Ja, sagt sie zur Gärtnerin,
Ja, das Gift laß' ich darin.

Готгольдъ Ефраимъ Лессингъ Лес-
род. 1729 а ум. 1781 библиошекаръ ^{СИНГЪ.}
Вольфенбитальскій славенъ яко
писатель басенъ и теоріи объ
оныхъ. Басни его остроумны и
опличаются краткостію и лег-
ко выведеннымъ нравоученіемъ.
Онъ раздѣлены на 3 части, изъ
коихъ вторая содержитъ обра-
ботанные имъ примѣры древнихъ
Нѣмецкихъ басенъ. Онъ писалъ
ихъ прозою.

ZEVS UND DAS PFERD.

**Лес-
СНИТЬ.** Vater der Thiere und Menschen! so sprach das Pferd, und nahte sich dem Throne des Zevs; man will, ich sei eins der schönsten Geschöpfe, womit du die Welt geziert hast; und meine Eigenliebe heisst mich es glauben. Aber sollte gleichwol nicht noch verschiedenes an mir zu bessern sein? —

Und was meinst du denn, dass an dir zu bessern sei? Rede; ich nehme Lehre an: sprach der gute Gott, und lächelte.

Vielleicht, sprach das Pferd weiter, würde ich flüchtiger sein, wenn meine Beine höher und schwächtiger wären; ein langer Schwanenhals würde mich nicht verstellen; eine breitere Brust würde meine Stärke vermehren; und da du mich doch einmal bestimmt hast, deinen Liebling, den Menschen, zu tragen, so könnte mir ja wohl der Sattel anerschaffen sein, den mir der wohlthätige Reuter auflegt.

Gut, versetzte Zevs; gedulde dich einen Augenblick! — Zevs, mit ernstem Gesichte, sprach das Wort der Schöpfung. Da quoll Leben in den Staub; da verband sich organisirter Stoff; und plötzlich stand vor dem Throne — das hässliche Kameel.

Das Pferd sah, schauderte und zitterte vor entsetzendem Abscheu.

Hier sind höhere und schwächtere Beine, sprach Zevs; hier ist ein langer Schwanenhals; hier ist eine breitere Brust; hier ist der anerschaffne Sattel! Willst du, Pferd, dass ich dich so umbilden soll?

Das Pferd zitterte noch.

Geh, fuhr Zeus fort; dießmal sei belehrt, ohne Lece-
bestraft zu werden. Dich deiner Vermessenheit aber **СИНГЪ**
dann und wann reuend zu erinnern, so daure du
fort, neues Geschöpf! — Zeus warf einen erhalten-
den Blick auf das Kameel — und das Pferd erblicke
dich nie, ohne zu schaudern!

Обезьяна и Лисица.

Назови мнѣ хоть одного извѣст-
наго звѣря, которому бы я не въ си-
лахъ была подражать. Такъ хвалилась
обезьяна предъ лисицею. Лисица отвѣ-
чала ей: а ты мнѣ назови хотя какого
нибудь изъ звѣрей, которому бы при-
шло на мысль тебѣ послѣдовать. Пи-
сатели соотечественные! — долженъ
ли я еще болѣе изъясниться?

Гоганъ, Адольфъ Шлегель, Шле-
Сунгеринпенденцъ и Консиспориенгель,
Совѣтникъ въ Ганноверѣ родился
въ 1721 году. По многимъ сочине-
ніямъ извѣстнѣйшій писатель,
оплаченъ по своему духу и вкусу.
Басни его по большой части были
помѣщены въ періодическихъ со-
чиненіяхъ; но послѣ имъ пере-
смопрены и достойнымъ его дру-

Шле- гомъ Г. Совѣшникомъ Герпнеромъ
гсавъ. изданы въ Брауншвейгѣ.

DIE KRAEHE.

Als eine Kräh einst ihr Gefieder
Mit Pfauenfedern ausgeschmückt,
Besah sie sich, von sich entzückt,
Und hiefs die Pfauen ihre Brüder,
Und mischte stolz in ihre Schaar sich ein,
Und glaubte schon, der Juno Pfau zu sein,
Die Pfauen sahen dies, beraubten ihr Gefieder
Des Schmucks, den sie geborgt, und mit ihm aller
Pracht.

Der kaum gewordne Pfau ward eine Krähe wieder,
Und selbst von Schwalben ausgelacht.

Als einst ein Reimer seine Lieder
Mit fremder Kühnheit ausgeschmückt,
Besang er sich, von sich entzückt,
Und hiefs die Dichter seine Brüder.
Er drängte stolz in ihre Zunft sich ein,
Und dünkte sich ein Haller schon zu sein.
Die Dichter sahen dies, beraubten seine Lieder
Des Witzes, den er stahl. Wo war nun seine Pracht?
Der neue Haller ward ein seichter Reimer wieder,
Und selbst von Dunsen ausgelacht.

Миха- Первый опытъ трудовъ, сколько
елись. рано умершаго достойнаго стихо-
творца *Иоганна Вѣнѣаминна Ми-*
хаелиса род: 1747 а умер. въ
1772 году были его басни, пѣсни

и сапирры. Басни его написаны во *Миха-
вкусъ Геллершовомъ*, ихъ опличчи-*елись*.
шельная черта соспоишъ въ лег-
кихъ и пріятныхъ оборотахъ и
въ свободномъ изложѣніи.

DER BAUER UNTER DER EICHE.

Ein Bauer wanderte, sein Essen zu genießen,
Dem Schatten eines Eichbaums zu:
Und jähnte schon bei jedem Bissen
Recht herzlich nach der Mittagsruh.
Gewohnt von Jugend auf zu zänkischen Gedanken
That lang ihm schon sein gnädger Herr nicht recht,
Oft predigte der Pfarr zu schlecht:
Jetzt aber kam ihm ein, einmal mit Gott zu zanken.
Gelegenheit war da!

Er sah die Eicheln an.

Da steht nun, rief er aus, und überschlug die Ar-
men,

Ist das nicht ewig zu erbarmen!
Da steht nun so ein Baum der Kirchen tragen kann:
Und hier und da ein Nüßgen dran.
Allein, mein Blut, man darf nichts sagen;
Denn sagt man was, so gehts an ein Verklagen;
Da nimmt der Superdent gar artig uns herum,
Und schreibt wohl gar ins Consistorium.
Nur schieb ich jeden ins Gewissen
Ob sich ein Kürbs zum Stengel schickt.
Ich sehs bei mir: die meisten sind zerknickt —
Das hätt mir anders werden müssen!
Gerade umgekehrt! — Hier sollten Kürbse sein!
Er sprachs und jähnt und schlummert ein.

Ма- Zum Unglück stiefs ein Nordwind in die Eiche:
асъ. Und eine kleine Eichel traf
Derb unsern Bauer auf den Schlaf.
Hilf Himmel! fuhr er auf, und fühlte nach dem
Streiche —
Ist das ein Schmerz! — was hab ich Thor ge-
dacht?
Wenns nun ein Kürbs gewesen wäre? —
Verzeich mirs Gott! und ewig sei ihm Ehre!
Denn er hat alles wohl gemacht.

Вилла-
мовъ.

Равно и спихошворецъ *Иоганъ Готлибъ Вилламовъ* къ сожалѣнію Нѣмецкой поэзіи и въ особенності лирической равновременно скончался. Онъ былъ у насъ въ Пешербургъ Профессоромъ, жилъ съ 1776 по 1778 годъ. Басни его предсавлены въ видѣ разговоровъ и отличны тѣмъ, что дѣйснвующія въ нихъ лица сами говорятъ, и сочинитель ни одного не приводитъ своего замѣчанія и ни гдѣ самъ не рассказываетъ. Но баснь его: *кошка, старая и молодая мыши*, имѣетъ значительную ошибку въ заключеніи, и ошибку такую, чрезъ которую теряется досто-

инство всей басни. Вотъ въ Вилла-
чемъ соспоишь извѣстная баснь ^{мовь.}
сія, въ нѣкоторыхъ Россійскихъ
азбукахъ напечатанная: кошка у-
говариваетъ маленькаго мышенка
подойти къ себѣ, обѣщаетъ дать
ему разныхъ лакомствъ. Мыше-
нокъ колеблется, но наконецъ пре-
зря всѣ совѣты старой мыши ма-
тери, идетъ къ кошке и достойно
наказывается ею. И мать со стои-
ческою холодностію, совсѣмъ ей
неприличною, произноситъ двое-
стишіе, коего содержаніе состо-
итъ въ томъ что *телерь поздно*
раскаиватся, когда нещастіе
постигло; кто не слушаетъ совѣ-
товъ, не долженъ надѣяться на по-
мощъ. Такія слова въ устахъ ма-
тери не натуральны и принужден-
ны. Развѣ только одна спаршан-
ская мышь, глядя на спраданіе
своего мышонка, въ состояніи про-
изнесши такое философическое
наставленіе не у мѣсца?

Вилла- Д I E KATZE. Д I E A L T E M A U S. Д I E J U N G E
М О В Ъ. M A U S.

Katze.

Du allerliebste^s kleine^s Thier!
Komm doch ein wenig her zu mir.
Ich bin dir gar zu gut. Komm, daß ich dich nur
küsse.

Alte Maus.

Ich rathe dir^s, Kind, gehe nicht!

Katze.

So komm doch! Siehe, diese Nüsse
Sind alle dein, wenn ich dich Einmal kusse.

Junge Maus.

O Mutter, höre doch, wie sie so freundlich spricht;
Ich geh, . . .

Alte Maus.

Kind, gehe nicht!

Katze.

Auch dieses Zuckerbrot, und andre schöne Sachen
Geb' ich dir, wenn du kommst.

Junge Maus.

Was soll ich machen?

O Mutter, laß mich gehn.

Alte Maus.

Kind, sag' ich, gehe nicht!

Junge Maus.

Was wird sie mir denn thun? — Welch ehrliches
Gesicht!

Katze.

Komm, kleines Närrchen, komm!

Junge Maus.

Ach Mutter, hilf! ach weh!

Sie würgt mich! die Garstige!

Alte Maus. Вилла-
Nun ist zu spät, nun dich das Unglück schon be- мовъ.
troffen.

Wer sich nicht rathen läßt, hat Hülfe nicht zu
hoffen.

Фридрихъ Вильгельмъ Захаріе Заха-
род: 1727, а умеръ 1777, Профес- ріе.
соромъ въ Брауншвейгѣ, оставилъ
61 басню во вкусѣ Буркарда Вал-
диса. Онъ удачно помѣсилъ въ
своихъ басняхъ простоту сего
стихотворца, пріятность и ис-
кренность мыслей.

DIE SPINNE UND DAS PODAGRA.

Das Podagra und eine Spinne,
Geführt von ihrem Eigensinne,
Entschlossen sich, die Welt zu sehn,
Und Abenteuer nachzugehen,
Sie trafen unterwegs sich an,
Und grüßten sich da sie sich sahn,
So leicht, so artig und galant,
Als hätten sie sich längst gekannt.
Ich dächte, sprach das Podagra,
Wir setzten nach dem Dorfe da
Zusammen unsre Reise fort.
Es scheint ein wohlgelegner Ort,
Und sind Madam so müd als ich,
So wird uns beiden, sicherlich!
Jedwede Herberg, groß und klein,

Saxa-
pie.

Auf diese Nacht willkommen sein.
Der Spinne war das eben recht:
Sie kamen an das Dorf. Geschwächt,
Hinfällig, kraftlos, und halb lahm,
Erlag das Podagra, und nahm
So bald als möglich, voll Begier,
Beim ersten Bauer das Quartier.
Die Spinne hielt sich für gescheidter,
Und nahm den Weg noch etwas weiter,
Bis zu des Edelmannes Haus;
Hier wählt sie einen Saal sich aus,
In welchem man mit großem Prachte,
Zu einem Gastmahl Anstalt machte.
Sogleich nahm sie nach ihrem Witz
Von einem Fensterrahm Besitz;
Hub an, mit emsigen Bestreben
Viel ihrer Fäden anzukleben:
Doch eh ihr Netz noch fertig war,
Nimmt eine Stubenmagd es wahr,
Die mit dem Besen drüber fährt,
Und unbarmherzig es zerstört.
Die Spinne hub von neuem an
Zu weben, wie sie erst gethan;
Da ward der Saal voll Herrn und Damen,
Mit denen viel Lakaien kamen.
Ein naseweiser Bursche sah
Der Spinne Netz, und rief: sieh da!
Was machst du hier? und stieß so gleich
Den Huth quer durch ihr Fadenreich;
Die Spinne liefs sichs nicht verdriessen,
Und heftete mit muntern Füßen
Ihr hangend halb zerstörtes Nest
Zum drittenmal am Fenster fest.

Da trat ein junges Fräulein her,
Das sah am Fenster ungefähr
Die Spinne hangen, und schrie laut:
Ach! Herr Baron, mir graut, mir graut!
Und wies mit Schrecken auf die Spinne.
Kaum ward der Herr Baron sie inne
So zog er wie ein Held den Degen,
Fieng an im-Netz herum zu fegen,
So daß mit Noth die Spinn entkam
Und aus dem Saal den Abschied nahm.

Закан-
pie.

Dem Podagra gieng auch fast so,
Es ward der Herberg wenig froh.
Nachdem es lange gnug gesessen,
Sprach es: ich möcht ein wenig essen!
Der Bauer brachte trocken Brod,
Zum Trunk dazu kalt Wasser bot;
Dieß waren nach so langen Reisen
Fürs Podagra sehr schlechte Speisen.
Es aß nicht viel, trank kaum dazu,
Und sprach betrübt: bringt mich zur Ruh!
Da wies der Bauer ihm zum Bette
Gar eine harte Lagerstätte,
Worauf ein wenig Stroh nur lag.
Hier lag es kläglich, bis der Tag
Im Osten an zu grauen fieng,
Und seufzend es von dannen gieng.

Es traf die Spinne wieder an,
Die auch kein Auge zugethan,
Und alle beide klagten sich,
Wie elend und wie jämmerlich
Sie beiderseits die vorge Nacht
In Furcht und Sorgen zugebracht;
Ich seh wohl wo der Knoten sitzt,

Заха-
pie.

Sprach drauf das Podagra. Dir nützt
Zum Aufenthalte kein Palast;
So wie ich niemals Ruh und Rast
Bei schlechten Bauern finden kann.
Drum geh du zu dem armen Mann,
Und ich will deinen Junker sehn,
So soll das Ding wohl besser gehn.

Dies waren beide wohl zufrieden,
Und beide giengen nun verschieden
Den Weg so wie der Abend kam.
Das Podagra, voll Hoffnung, nahm
Zum Schloß des Junkers seinen Gang;
Und mit Welch freudigem Empfang
Ward es von ihm nicht aufgenommen!
Kaum sah er es gehinket kommen:
So nahm ers höflich bei der Hand,
Führts in sein Zimmer; drinnen stand
Ein Sopha mit viel weichen Küssen,
Davon legt er ihm drei zu Füßen,
Und sprach: Ihr Gnaden fordern dreist
Was ihrem Gaum willkommen leist.
Drauf rief er seine Diener her;
Da ward der Tisch nicht einmal leer
Von Thee, und Kaffee, und Orsade,
Von Chokolat, und Limonade.
Alsdann ward von der Schüsseln Menge
Die große Tafel fast zu enge;
Da kam französisches Ragout
Weit umher dampfend nach Haut Gout,
Schön Rostbeef nach der Britten Art,
Und Austern mit, und ohne Bart;
Dann kamen Austern am Kapaun,
Dann Austern schön gebraten, braun;

Dann wieder Austern in Pasteten,
Dann Fisch mit Austern bis zum tödten;
Und schöne Braten vom Phasan,
Bis auf den feisten Ortolan.
Kurz! alles was die Schmausewelt
Für ächte Leckerbissen hält,
War so im Ueberflusse da,
Als wär es im Hammonia.
Die Weine? ja wer kann die zählen?
Gewiß! hier darfte keiner fehlen,
Vom Franzwein bis zum Vin de Cap;
So das das Podagra so gar
Satt bis zum höchsten Ekel war.

Die Spinne trat zum armen Mann
Indefs auch ihre Wallfahrt an.
Sie fand bei ihm ein freies Leben,
Fieng an zu haspeln und zu weben
Nach Herzens Lust mit Füßen, Händen,
An Thüren, Fenstern, Balken, Wänden,
Und machte sich manch schönes Netz
Nach ihres Eigensinns Gesetz;
Rund, mit vielen Stralen, krumm und schief,
Gleich, ungleich, seltsam, flach und tief,
So herrschte sie im ganzen Haus,
Und Niemand stört, und trieb sie aus.

Als drauf die beiden Wanderer
Nach kurzer Zeit von ungefähr
Sich widersah'n: da rühmten beide,
Mit welcher wahren Lust und Freude
Ihr Leben nun versüßet sei.
Jedwedes blieb der Herberg treu;
Vergnügen war auf beiden Seiten.
Und so wohnt noch zu unsern Zeiten

Saxa-
pie.

Заха-
рїе.

Die Spinne bei dem Armen geht,
Das Podagra bei großen Herrn.

Фонъ-
Нико-
лаи.

Въ началѣ показалось собраніе стихотвореній въ 9 часпяхъ *Фонъ Николаи*, кабинета Секретаря, родившійся въ 1737 году. Въ семь собраній находящаяся и басни легко и свободно написанныя. Потомъ стихотворецъ оставилъ сіи занятія и пустился въ обширное поле Епическаго повѣствованія, гдѣ онъ съ великою славою оплывается.

DER RABE UND DIE EULE.

„Wann kömmt du doch aus deiner Höhle?“

„Wann hören wir die Lieder deiner Kehle,

„Trübselig Stiefkind der Natur?“

Zur Eule sagte dies der Rabe.

„Ich möchte wissen, was an solcher Kreatur

„Minerva wohl gefunden habe.“

Da zwingest mich, o Rabe, dir —

Erwidert sie — zwei Gaben anzuzeigen,

Die liebt Minerva sehr an mir;

Allein, ich fand sie nicht an dir:

Ich kann im Finstern sehn, und schweigen.

Въ 1783 году въ 8 долю листа Пфэф-
въ Базелъ вышедшя басни Надвор-^{фель.}
наго Совѣтника *Конрада Гот-*
тлиба Пфэфеля род: 1736 года, и-
мѣютъ большое достоинство. Его
изобрѣшенія побольшой часи эпиг-
рамматическя, оны того басни
его начертаны рѣзко и живо изо-
бражены.

DAS JOHANNISWUERMCHEN.

Ein Johanniswürmchen saß,
Seines Sternenscheins
Uubewußt, im weichen Gras
Eines Bardenhains.

Leise kroch aus faulem Moos
Seine Nachbarin,
Eine Kröte, hin und schloß
All ihr Gift auf ihn.

Ach! was hab' ich dir gethan?
Rief der Wurm ihr zu.
Ei! fuhr ihn das Unthier an,
Warum glänzest du?

DER SCHMETTERLING UND DIE BIENE.

Die Biene liefs den Schmetterling
Einst ihre fetten Speicher sehen.
Schön! rief der bunte Gast: doch muß ich dir
gestehen,

Пфэф- Ich tauschte nicht mit dir. — Warum nicht? dum-
фель. mes Ding,
Was hast denn du? Laß sehn; wir wollen inven-
tiren;
Ich hab' ein volles Haus!“ — Und ich... nichts
zu verlieren.

Мей- Помѣстимъ, хотя здѣсь из-
снеръ. вѣстнаго Нѣмецкаго писателя
Мейснера, который подарилъ 6
книгъ заключающихъ въ себѣ 180
басень и заслуживающихъ все ува-
женіе. Онѣ совершенно написаны
для наставленія юношества; и
слѣдовательно соотвѣствуютъ
настоящей цѣли. Мейснера мож-
но назвать Нѣмецкимъ Эзопомъ.
Басни его кратки, легкимъ сло-
гомъ написаны наставленія удач-
но выведены, а къ нѣкоторымъ
для лучшаго уразумѣнія юноше-
ству, приложены собственные его
небольшіе примѣры или повѣсти.

Пальма и Тыква.

На одномъ пальмовомъ деревѣ за-Мейвилась тыква, и достигла чрезъ нѣ-смерь, сколько недѣль вершины ея. Чудно, — сказала она однажды; — ты растешь, какъ я, слышала, нѣсколько сошь лѣшь, а я менѣе, нежели во сто дней нагнала тебя. — Но ты однако — отвѣтствовала пальма, — столь же скоро и поблекнешь, сколь скоро выросла. Прежде еще наступленія зимы ты засохнешь. — Откуда ты сіе знаешь, несчастная провозвѣстница? — Изъ опыта: ибо я, растя долго, видала многія зимы, и около меня вились многія растѣнія такія же, какъ и ты, столь же суетныя, какъ и ты, и столь же скоро преходящи.

★ ★
★

Не желай очень скорого возвышенія: чѣмъ скорѣе кто вверхъ восходитъ, тѣмъ больнѣе обыкновенно ушибается.

Молодой Графъ Честолобовъ, сдѣлался вскорѣ любимцемъ Государевымъ, Тайнымъ Совѣтникомъ и Министромъ. Отъ чего происходитъ это, дядюшка, — спросилъ онъ нѣкогда бра-

Мей- та отца своего, заслуженного и въ го-
енеръ. сударственныхъ дѣлахъ посѣдѣвшаго
Совѣтника, — что вы такъ опъ меня
отстали? —

Я опасаюсь, любезный племянникъ,
чтобъ вы не спали чрезъ короткое вре-
мя сожалѣть о томъ, что такъ скоро
восходили.

Старикъ сказалъ справедливо. По
прошествіи двухъ лѣтъ любимецъ
пришелъ въ немилость и сдѣлался
опянь — ничѣмъ.

§. 15

Россій- Доселѣ занимали насъ инопле-
скіе ба- менные писатели — баснописцы,
снопис- писатели — баснописцы,
цы. пенерь приступимъ къ своимъ. —
Мы увидимъ, что наши прищеч-
творцы ни мало не уступаютъ
иностраннымъ; хотя и укоряютъ
насъ что мы еще во многихъ про-
изведеніяхъ имъ уступаемъ.

Нечаянно попалась мнѣ, на
нашемъ языкѣ небольшая книга
басень Эзоповыхъ, съ описаніемъ
вымышленной его жизни; но къ
сожалѣнію безъ заглавнаго листа.

По слогу думать надобно, что она печатана прежде Царствования Царя Алексѣя Михайловича! или покрайнѣй мѣръ при его Царствованіи. Басни сіи очень удачно переведены, проснота и краткость принадлежація Езову, сохранены во всей точности. Я не смѣлъ не упомянуть объ этой книжечкѣ и не выписать изъ оной двухъ басень. Не излишнимъ почишаю замѣнить читателямъ, что при каждой баснѣ находится приличнѣйшій естампъ, довольно не худо выгравированный, да и самыя буквы довольно чисты и даже красивы! (*)

Лісїца.

Лісїца вшедши въ домъ куколнїковъ, или комедїалныи, все орудїя его пересмотрѣла, обрѣте же памо лярву, или харю, сїрѣчь. страшїло

(*) Что заставляешь думать, что наша Типографїя, имѣла уже нѣкоторое совершенство.

въ подобїи лїца и главы челоуѣческїя, изрядно устроеныя, и вземши ту въ лапы, рече, о какова глава, а мозгу въ неи нѣтъ.

Прїлогъ.

Прїпча знаменуешъ пѣхъ люден, которые сущь красны и велїки пѣлесы, обаче умомъ неразумни.

Человѣкъ и Песѣ.

Человѣкъ нѣкїи сошвори вечерю, хотяи подчївати друга своего любїмаго, егоже песѣ иного прїзва пса, иже рече, друже прїиди, купно со мною будещи вечеряти. онъ же егда прїиде весель, велїкїя ожїдая вечери, спояше и мысляше въ мысли свои. глаголя, се какова мнѣ радость прїключїся, стану пїтатїся и насыщень буду сїце, яко за упра нїкако захочу ясти, сїя же егда самъ въ себѣ глаголаъ, и хвостомъ помахївалъ, яко на друга своего уновалъ, поваръ вїдя его хвостомъ радость творяща. возхїпївъ за ноги, окномъ вѣбросїлъ; онъ же егда паде, съ велїкїмъ воплемъ идяше. егоже срѣше нѣкїи песѣ, како

вечерялъ еси друже; рече, отвѣща ему,
многимъ пііемъ не по мѣрѣ упїлся, и
пути не позналъ, кошорымъ прїшель.

Прїлогъ.

Прїмча знаменуеть, яко не подобаетъ упо-
вати на тѣхъ, кошорые ошъ чуждаго благоотво-
рїтїя обѣщаются.

Князь Ашїохъ Кантемиръ ро- Канте-
дился въ Цареградѣ 1709 года 10^{миръ.}
Сентября, кромѣ *сатиръ* и мно-
гихъ другихъ сочиненїй оставилъ
еще шесть басень, коихъ содер-
жанїе Езопа украшено стихами.
Конечно басни его, не имѣють
теперь той прїятности, какую
находили въ нихъ при жизни со-
чинителя. Ибо и языкъ и самое
стихосложенїе съ того времени
гораздо измѣнились. Всѣ шворе-
нїя Кантемира будутъ имѣть все-
гда свою цѣну и въ особености
его сатиры, какъ бы впрочемъ
слогъ и языкъ Россїйскїй не пере-
мѣнялся. Сей государственный и
великїй мужъ скончался къ сожа-

Канте-ленію Музъ и Россіи 34 лѣтъ по-
миръ. сланникомъ въ Парижѣ. Онъ былъ
нѣжнаго сложенія и хошя не при-
гожъ лицемъ, однако имѣлъ ра-
зумную и любовь къ себѣ привле-
кающую фізіономію. Зналъ язы-
ки: Россійскій, Мулпянскій, Ла-
пинскій, Импаліанскій, Француз-
скій и нынѣшній Греческій изря-
дно, шакже разумѣлъ по Еллен-
ски, по Гишпански и по Аглински.

Б А С Н Ъ І.

Огонь и восковой болванѣ.

Искусный въ дѣлѣ своемъ восколей прилѣжно
Трудился, вылилъ болванъ всѣ выразивъ нѣжно
Въ немъ улы, часши, власы, шакъ что живо шѣло
Болванчика того бытъ всякъ бы сказалъ смѣло.
Окончавъ все, не умно забылъ опдалити
Болванъ отъ огня, гдѣ воскъ случилосъ шопити.
Въ жару распотился воскъ, распотлося шѣло
Болванчика; пропалъ трудъ, пропало все дѣло.
Кто дѣло свое вершивъ, ушвердитъ желаетъ
Въ долги вѣки, долженъ все, что шому мѣшаетъ,
Опдалитъ, и что вредитъ искоренитъ скоро;
Безъ того дѣло его не можешъ бытъ шоро.

Опець Россійскаго стихотвор- Ломо-
ства, дивный *Ломоносовъ*, хопя ^{носовъ.}
написалъ только при басни, но
доказалъ оными, что онъ и въ
семь родъ могъ бы у насъ зани-
мать первое мѣсто, ежели бы
пожелалъ оставить болѣе примѣ-
ровъ сихъ иносказаній. Баснь его
Волкъ и Пастухъ по изобрѣщенію
предмѣта, по пріятному и лег-
кому стихосложенію по непринуж-
денному крапкому и къ спашу
выведенному нравоученію, всегда
будетъ почитаться образцемъ
искусства баснописанія. Сей вели-
кій мужъ споль много извѣстный
Россіи и Европѣ, род. въ Холмого-
рахъ, въ 1711; а умер. въ 1765 го-
ду, Спапскимъ Совѣшникомъ, ИМ-
ПЕРАТОРСКОЙ Санктпешербург-
ской Академіи Наукъ Профессо-
ромъ, Спокгольмской и Бононской
членомъ, былъ сынъ рыбака!

Волкъ Пастухъ.

Ломо- Лишь полько дневный шумъ замолокъ,
Носовъ. Надѣлъ паспушье плащье волкъ,
И взялъ паспушей посохъ въ лапу,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ,
На уши вдѣлъ широку шляпу,
И крался тихо сквозь лѣсокъ
На ужинъ для добычи къ спаду.
Увидѣвъ шамъ, что жучка спитъ,
Обнявъ паспушку Оирсъ храпитъ,
И овцы всѣ лежали съ ряду,
Онъ могъ изъ нихъ любую взять.
Но не довольствуясь уборомъ,
Хотѣлъ украситъ разговоромъ,
И именемъ овецъ названъ.
Однако чуть лишь пасъ разинулъ,
Раздался въ рощѣ волчій вой.
Паспухъ свой сладкій сонъ покинулъ,
И жучко бросился съ нимъ въ бой;
Одинъ дубиной гостя встрѣшилъ.
Другой за горло ухватилъ.
Тутъ поздно бѣдной волкъ примѣшилъ,
Что черезъ чуръ перемудрилъ;
Въ полахъ и рукавахъ связался,
И волчьимъ голосомъ сказался.
Но Оирсъ недолго размышлялъ;
Уборъ съ него и кожу снялъ.
Я басню всю коропскимъ шолкомъ
Могу вамъ, Господа, сказатъ:
Кто въ свѣтѣ семъ родился волкомъ,
Тому лисицей не быватъ.

Профессоръ краснорѣчія *Ва-Тредья-*
силей Кириловичъ Тредьяковскій,^{ковскій.}
род. 1703, а умеръ 1769. Между
многими его сочиненіями извѣстны
его басни изъ Фѣдра и другихъ
предложенныя близко. Онѣя, какъ
и всѣ шворенія его читаются съ
большимъ любопытствомъ и съ
жадностію; (но ни одинъ писа-
тель въпомъ ему не позавидуетъ,)
однако не болѣе нѣсколькихъ ми-
нутъ и не сплошь, а мѣстами.
Слихошворенія его на всегда оста-
нувшись примѣромъ каррикатурнаго
спихосложенія. Но при всѣмъ томъ
мужъ сей былъ ученый и трудо-
любивѣйшій, много споспѣшество-
валъ водворенію въ Россіи полез-
ныхъ знаній и былъ человекъ не-
обыкновеннаго ума. Безвкусіе, не-
имѣніе спихошворческаго дара, а
болѣе спрасъ — непреодолима
спрасъ къ стихамъ гораздо у-
меньшила достоинства Тредьяков-
скаго; до такой степени, что фа-
милія его никогда съ суріознымъ

Тредья-видомъ не произносишся, но всег-
ковскій да съ нѣкоторымъ смѣхомъ.

БАСЕНЬКА I.

Пѣтухъ и Жемчужина.

Пѣтухъ взбѣгъ на навозъ, а рыль начавъ шопъ
вскорѣ.

Жемчужины вопъ ояъ дорылся въ ономъ сорѣ
Увидѣвши ея: что нужды, говоришь,
Мнѣ въ этомъ дорогомъ, что глазъ теперь мой
зришь.

Желалъ бы лучше я найши зерно пшеницы,
Которую клюемъ дворовые мы пшцы.
Къ томужь, мнѣ на себя сей вещи не носишь;
Да и не можешъ па собой меня брасишь.
И такъ другимъ она пусъ кажешся любезна
Но мнѣ хопъ и блещишь, ни мало бесполезна.

БАСЕНЬКА X.

Воръ и Песъ.

Лаюшу собаку хлѣбомъ закармливалъ воръ,
Какъ входилъ онъ въ нѣкій, чтобъ окрасъ, бо-
гатый дворъ.

Но ему песъ говорилъ: хорошо, что буду
Ныѣ опъ шебя я сыпъ; шолькожь гдѣ добуду
Я себѣ ужъ хлѣба, и тогда что поѣмъ,
Какъ ты насъ окрадещъ при молчаніи моемъ? —

Александръ Петровичъ Сума-Сумароковъ, Дѣйсшвицельный, Спаш-роковъ; ский Совѣшникъ, ордена Св. Анны кавалеръ, и Лейпцигскаго ученаго собранія свободныхъ наукъ членъ, род. 1718 — а умеръ 1777 года. Хотя басни его не превосходятъ Федра и Лафоніпена, какъ сказано Г. переводчикомъ историческаго словаря; но однако онѣ не безъ достоинства, и справедливо многими почиаются за превосходныя басни Сумарокова шѣ, въ которыхъ осмѣяны поступки приказныхъ его времени. Словомъ, изъ 273 его припчѣ, составляющихъ довольно большую книгу, можно бы выбрать 50 и болѣе басенъ, не уступающихъ въ красотѣ известнымъ баснописцамъ. Сей славный мужъ оставилъ опыты всѣхъ известныхъ родовъ стихотворенія. Онъ былъ первый основатель Россійскаго театра. Вотъ двѣ его басни,

Сума-
роковъ.

Собака и Воръ.

Старый обычай и давняя мода.
Былибъ вороша всегда на крепи.
Въ домѣ, всегда у приказнаго рода
Песъ на часахъ, у ворошъ на цѣпи.
Дворникъ забывшись не заперъ калишки,
Слѣдственно можно вперешься во дворъ,
Въ вымыслахъ мудрые, оспры и пришки;
Входишь мудрецъ пушъ: а именно воръ.
Ласпишся, ласпишся льспецъ ко собакѣ,
Бросилъ ей жирнаго мяса кусокъ:
Песъ разсердясь, закричалъ будшо въ дракѣ
Рвешся напрасно нахалъ, а не въ прокъ:
Воръ подкупиши меня предпримаешь,
Хочешъ прибраться пы къ нашимъ крохамъ,
Вѣрна подарками пса не сломаешь,
Я не повиненъ приказнымъ грѣхамъ.
Знаю привѣшпства сего я причину,
Взавшрѣ пожалуй, да въ день; а не въ ночь.
Мясо снеси къ моему господину,
Онъ до подарковъ поболѣ охочъ.

Что можешъ бышь забавнѣе
сей басни, въ копорой песъ, хопя
вѣрный своему господину, но знатъ
веселаго нрава, шакъ шонко по
смѣялся на щопъ своего хозяина!
Невольно засмѣшся — Г. Сумаро-

ковъ нарочно, какъ кажешся, упо- Сума-
пребилъ такой даже размѣръ и роковъ.
вложилъ въ уста псу такія сло-
ва, какія употребляли его време-
ни приказные и самъ рассказываетъ
ихъ же слогомъ. Слова: слѣдствен-
но, втереться, ворота накрели,
жирный кусокъ, впрокъ, кроха, сло-
мать подарками, привѣтство,
пожалуй снеси, охочь, очень къ
сплапи помѣщены, комически и
даютъ ясное понятіе о разговорѣ
старинныхъ юристовъ. Я еще по-
мѣщу здѣсь одну его басню изъ
второй книги а именно:

З а я ц ъ .

Толкнулъ какой то лъва рогами звѣрь:

За то скопнѣ всей рогашой,

Нещастіе шецерь,

И ссылка цапшой.

Въ приказъ

Пришелъ о томъ указъ.

Гошовъ осмошрѣ и высылка гошова.

Сшупай не говори ни слова;

И понесите вонъ опсель шѣла,

Рога и души.

Великой зайцу спрахъ ша ссылка навела,

Сума-роковъ. Рогамя, мнишъ, почпущъ въ приказѣ зайчьи уши
До зайца пошъ указъ ни въ чемъ не надлѣжишъ:
Однако онъ, какъ шѣ, подобно пречъ бѣжишъ.

Страхъ зайца побѣждаетъ,

А заяцъ разсуждаетъ:

Подъячій люшъ,

Подъячій плушъ,

Подъяческія души. —

Легко пожалуюшъ, въ рога большія уши:

А ежели судьи и судъ

Меня оправяшъ;

Такъ справки, вышки одинъ меня задавяшъ.

Еминъ. *Еминъ, Федоръ Александровичъ*, Типулярный Совѣтникъ и переводчикъ кабинета Ея И. В. родился 1735, въ небольшемъ венгерскомъ городкѣ Липпъ, состоящемъ на Турецкой границѣ. Въ 1737 году по причинѣ войны Австрійцевъ съ Турками попался онъ съ машерью своею въ плѣнъ къ послѣднимъ. Возвратясь изъ плѣна учился въ Езуитскомъ училищѣ, гдѣ остропою и прилежаніемъ, привлекъ вниманіе къ себѣ всѣхъ учителей, изъ коихъ

одинъ отпраляясь Миссіонеромъ Еминъ: въ Азію взялъ съ собою Емина. Они путешествуя по разнымъ областямъ прибыли въ Турцію, гдѣ случилось съ нимъ приключеніе, но котораго онъ никому не открылъ, по сему приключенію взялъ былъ Еминъ подъ стражу. Дабы избавишься отъ вѣчной неволи, принужденъ былъ принять Магометанскій законъ, и дабы имѣть пропитаніе, былъ нѣсколько лѣтъ Янычаромъ. Нечаянно познакомясь съ Англинскимъ Капитаномъ ушелъ въ Англію; тамъ живя нѣсколько времени воспріялъ усердное намѣреніе принять Греческій законъ. На сей конецъ явился къ Россійскому посланнику, Князю Александру Михайловичу Голицыну, который и былъ воспріемнымъ его опцемъ и по имени коего назвался онъ Федоромъ Александровичемъ. Такъ рассказывалъ о себѣ Еминъ одному изъ своихъ знакомыхъ. Онъ оставилъ 73 басни, ко-

Еминь. торыя напечатаны вторымъ изданіемъ 1789 года въ Пешербургѣ, написанныи прозою, и не недостойны вниманія по своей простотѣ, и простому слогу, но только нравоученія его не всегда успѣшно выведены. Онъ былъ человекъ оспраго разума, зналъ 13 разныхъ языковъ, имѣлъ крипическій веселый нравъ, чрезъ чтеніе древнихъ и новыхъ авторовъ приобрѣлъ обширное знаніе многихъ наукъ. Кромѣ басень, оставилъ множество другихъ сочиненій и нѣкоторое время былъ издавателемъ журнала *Адской почты*.

Супъ и Ботвинье.

Супъ увидя на столѣ ботвинье, такъ ему говорилъ: за чѣмъ ты сюда пришла? или ты не знаешь, что я начальникъ стола? меня передъ всякою пищею употребляютъ, а ты осмѣлилась прийти на столъ же, на которомъ и я нахожусь. Поди же прочь отъ сюда, продолжалъ супъ. Тебѣ

прилично быть на мапрозскихъ и на Бминь мужичьихъ столахъ, а не на тѣхъ, гдѣ я начальствую. Ботвинье услыша такой предлинной выговоръ, спросила сего знатнаго начальника: А васъ милостивый государь, какъ зовуть? я супъ славный, отвѣчалъ онъ: сложеніе мое весьма изрядное. Жирныя курицы, голубята, куропатки, перепелки, и цыплята меня соснавлиють: а въ тебѣ ничего добраго нѣтъ: горькой лукъ, кислой квасъ и вонючей чеснококъ, знатнѣйшими сущь твоими достоинствами. Ты обманываешься господинъ супъ, отвѣчала ботвинье, инымъ нравишься ты, а инымъ я. — И я у многихъ бываю начальникомъ стола, такъ же какъ и ты. У знатныхъ людей я имѣю великія качества. Разеѣ мало есть такихъ, кои меня съ краснымъ виномъ дѣлають, а иные и съ Шампанскимъ, и много разныхъ иныхъ приправъ въ меня включають. И такъ нѣчего тебѣ хвастаться своимъ состояніемъ, когда достоинства наши отъ счастья зависятъ. Не разъ случается, что и ты благородной супъ, будучи поставленъ на бѣдномъ столѣ, заправленъ бываешь горькимъ лукомъ.

Еминь. перцомъ и такою правою, которую можно доспать безъ денегъ, и нарвать вездѣ.

Нынѣ знанность больше оупъ счастья, нежели оупъ природы зависить.

Хемницеръ. *Коллежскій Совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Хемницеръ*, род. 1744, а умеръ 1784 года, Генеральнымъ Консуломъ въ Смирнѣ. Подарилъ Россійской словесности 34 басни, которыя отличаются чистотою слога, прямымъ Рускимъ нарѣчіемъ и картинами, взятыми изъ обыкновеней простаго народа, и нѣмъ болѣе достойны примѣчанія, что сочинитель оныхъ былъ Саксонецъ. Басни Хемницера можетъ быть только пошъ одинъ имѣютъ недоспашокъ, который замѣченъ Г. Палицынымъ въ его посланіи къ *Привѣтѣ*. Сей баснописецъ нравомъ и сипранностями нѣсколько походилъ на Лафонтена, поже добродушіе, таже увѣренность въ друзьяхъ, нераспо-

ропчоспъ и разсѣянноспъ въ мы-Хемни-
сляхъ. Замѣчено нѣсколькo анек-^{дотъ}-
дотовъ его, которые болѣе дають
поняшя объ его спранноспи. —
Въ Парижѣ во время предснавле-
нн трагедн *Танкреда*, когда Ле-
кенъ показался, шо поражен-
ный величественною осанкою его,
вспалъ баснописецъ, поклонился
ему и шогда шолько примѣпилъ
спранноспъ своего поспулка, ко-
гда весь парперъ захохоталъ.
Всѣмъ извѣспенъ еще анекдотъ о
салфеткѣ съ нимъ случившійся.
Въ сочиненіяхъ его помѣщена ему
Епипафія.

Жилъ честно, цѣлой вѣкѣ шрудился,
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Вотъ двѣ его басни. Одна изъ пер-
вой, другая же изъ шрешней книги.

Мужикъ и Корова.

Коня у мужика не спало,
Ташъ онъ корову осѣдлалъ;
А самъ о томъ не разсуждалъ,
Что говорятъ: сѣдло коровѣ неприспало:
Но не смотря на шо, онъ на корову сѣлъ;
За шѣмъ, что вдалѣ пѣшкомъ идиши не захопѣлъ

ренія и споль щщашельно храня-Бар-
щіяся у многихъ. Сей человекъ^{ковъ}.
имѣлъ умъ острый и опважный,
былъ искусень въ Лапинскомъ,
хорошо зналъ природный и нѣ-
сколько Италіанскій языкъ. Нравъ
его былъ веселой самъ же былъ
безпечень. Онъ оставилъ крапкую
исторію отъ Рюрика до Петра
Великаго, она не напечатана;
такъ же жизнь Кантемира и при-
мѣчанія на его сапиры. Вообще
можно сказать о семъ человекѣ:
ежели бы не во зло употребилъ онъ
свои дарованія, то занималъ бы
можетъ быть второе мѣсто по-
длѣ Ломоносова!

Волкъ и Ягненокъ.

Изъ одного ручья для утоленья жажды.

Ягненку съ волкомъ нипъ случилось однажды.

Ягненокъ ниже былъ, а выше волкъ споялъ,

Тогда разинувъ пасть, затѣялъ здоръ нахалъ.

Я нью; какъ смѣешь ты мушишь, бездѣльникъ
воду?

Ягненокъ опвѣчалъ, бояся сумазброду:

Лязялъ спашься оному, пожалуй разсуди?

Ко мнѣ бѣжишь вода, а ты вѣшь впереди.

Бар- Опѣшилъ грубіянь, какъ правду шупъ увидѣлъ.
ковъ. Потомъ рекъ: ты еще за полгода обидѣлъ.
Я въ тѣ поры, сказалъ ягненокъ, не рожденъ.
Да я опцомъ твоимъ заисловно обнесенъ.
Сказавъ, схватилъ его и расперзалъ напрасно.

*Всякъ можетъ разумѣть чрезъ оную
баснь ясно,
Какъ пріобъкше невинныхъ подавляютъ,
Умѣютъ ложныя причины составлять.*

Лисица, къ трагической личинѣ.

Попалась невзначай лисѣ въ глаза личина.
Куда сколь прихожа, сказала, образина!
Да только жаль того, что нѣшу мозгу въ ней,
Почтеннымъ молвденя глууцамъ рѣчь въ баснѣ сей.

Фонъ- *Фонъ-Визинъ, Денисъ Ивано-*
Визинъ. *вичъ, Стапскій Совѣтникъ и членъ*
Россійской Академіи, род. въ Мо-
сквѣ 1745 года. Между прочими
многими драматическими, сапи-
рическими и другими сочиненіями
оставилъ онъ нѣсколько басенъ.
Слогъ во всѣхъ его швореніяхъ, какъ
и въ басняхъ, чиспъ, правиленъ,
плавенъ, оригиналенъ, кошорый
пріобрѣлъ онъ опъ членія Сла-
вянскихъ книгъ, кошорыя долженъ

былъ чипать своему опцу. Фонъ-Фонъ-Визинъ нравомъ былъ щедръ, услу-^{Визинъ.} жливъ, откровененъ, въ обхожденіи весьма пріятенъ, шушливъ и остроуменъ;—за послѣднее свойство спрадалъ онъ неоднократно. Извѣстенъ одинъ анекдотъ, случившійся при представленіи его *Недоросля*, который служилъ отличнѣйшею похвалою какъ сему, такъ и другимъ его сочиненіямъ: при представленіи Недоросля былъ Пошемкинъ, который восхипясь піесою Фонъ-Визина, подозвалъ его и сказалъ ему: *Денисѣ! или умри, или ничего не лиши болѣе.* Здѣсь слѣдуетъ одна изъ его басень:

Лисица коснодѣй.

Въ Ливійской сторонѣ правдивый слухъ промчался,
Что Левъ — звѣриный царь въ большемъ лѣсу скон-
чался,

Сшекалися шуда скопы со всѣхъ сторонъ,
Свидѣшелями бысть огромныхъ похоронъ.

Лисица-коснодѣй при мрачномъ семъ обрядѣ
Съ смиренной харею, въ монашескомъ нарядѣ,
Взмостяся на каедру, съ воспоргомъ воцѣптъ:

Фонъ— О! рокъ люшѣйшій рокъ! кого лишился свѣшъ.
Визинъ. Кончиной кропкаго Владыки пораженный,
Восплачь и возрыдай звѣрей соборъ почтенный.
Се царь, премудрѣйшій изъ всѣхъ лѣсныхъ царей,
Доспойный вѣчныхъ слезъ, достойный олшарей;
Своимъ рабамъ опецъ, своимъ врагамъ ужасенъ,
Предъ нами распрощертъ, безчувшвенъ и безгла-
сентъ,
Чей умъ постигнушь могъ число его доброшъ,
Пучину благости, величїе щедрошъ?
Въ его правленїи невинность не спрадала,
И правда на судѣ безспрашко предсѣдала,
Онъ скополоубїе въ душѣ своей пишаль,
Въ немъ прона своего подпору почиталь.
Былъ въ области своей порядка насадитель,
Художествъ и наукъ былъ другъ и покровитель...“
О лесъ подаѣйшая! шепнулъ Собакъ Крошъ.
Я Льва зналъ корошко, онъ былъ пресудїй скошъ,
И золь, и безполковъ, и силой вышней власпи
Онъ только насыщаль свои пирански спрашпи.
Тронъ кропкаго царя, достойна олшарей,
Былъ сплоченъ изъ костей разтерзанныхъ звѣрей.
Въ его правленїе любимцы и велможн
Сдирали безъ чиновъ съ звѣрей невинныхъ кожи;
И словомъ такъ была юспидїя спрога,
Что кто кого смога, такъ пошъ того въ рога.
Благоразумный Слонъ изъ лѣса въ степь сокрылся,
Домоспроишель Бобръ опъ пошлннъ разорился
И Пификъ слабоумъ, писатель звѣрскихъ лицъ,
Служившій у двора, честнѣе всѣхъ Лисицъ.
Который, посвятя работѣ дни и ночи,
Искусной кистїю прельщая звѣрски очи,
Портретовъ написаль съ царя, звѣрей лѣсныхъ

Пятнадцать въ цѣлый ростъ, и двадцать поясныхъ, Фонъ-
Да сверхъ того еще по новому манеру Визинъ?
Альфраско росписалъ монаршую пещеру,
За то, что въ жизнь свою прудился сколько могъ,
Съ тоски и съ голоду дни претъяго издохъ.
Вошь мудраго царя правленіе похвально!
Возможноль ложь слепашъ споль явно и нахально? —
Собака молвила: „чему дивишься ты,
Что знашному скопу льстятъ подлые скопы?
Когда же ты себя такъ сильно изумляешь,
Что низка пварь корысть всему предпочитаешь,
И къ щастію бредешь презрѣнными пущами:
Такъ, видно никогда ты, не жила межъ людьми.“

Василей Ивановичъ Майковъ, Май-
Государственн^{КОВЪ.}ой Военной Колле-
гій Прокуроръ, и Вольнаго Эконо-
мическаго Общества членъ, болѣе
извѣстенъ по своей комической
поэмѣ: *Елисей или раздраженный*
Вакхъ, нежели по посредствен-
нымъ своимъ баснямъ. Въ свое
время довольно почищаемый спи-
хотворецъ. Надобно здѣсь замѣ-
нить, что онъ оставилъ нѣсколь-
переводовъ и даже близкихъ, не
зная ни одного иностраннаго я-
зыка!

Май-
ковъ.

Роза и Змѣя.

Какъ нѣкогда змѣя такъ розѣ говорила:
Напура насъ съ тобой подобныя сошнорила,
Ты жалишься какъ я.
Тогда въ ошавщѣ рѣчь была змѣѣ ся:
Здохипрая змѣя!

Напрасно ты себя ко мнѣ припкянула бокомъ
И хочешь замарать меня своимъ порокомъ;
Я жалу шолько шѣхъ,
Которые меня съ невѣжествомъ ломають;
А ты, хопя себя и вѣчно не замають,
Ты жалишь всѣхъ.
Чипашель мой! внемли, что пѣла лира,
Змѣя преподлая, а роза умная сапиря.

Княж-
нинъ.

Федоръ Борисъевичъ Княж-
нинъ зять Сумарокова и наслѣд-
никъ его вражсужденіи Трагедіи
Россійской. Составилъ также нѣ-
сколько басенъ, которыя по плав-
ности, чистому, просипому слогу
равняющся съ баснями многихъ
хорошихъ баснопворцевъ. Охоп-
ники могутъ сличить баснь его
Моръ Звѣрей, съ баснею Г. Кры-
лова сего же имени.

Живописецъ въ полону.

Какой по Живописецъ славный,
Всё кистью выражать исправный,
Побѣдить вздумалъ по морямъ.

По нуждѣ иль по волѣ?

Того не знаю самъ.

И въ морѣ такъ же есть разбойники какъ въ полѣ.

Альжирцы были то; лишь грабитель знашоки,

Въ художествахъ невѣжи, дураки.

Ни нашего они искусника напали,

Ему сковали

Живописующі кулаки,

И привели его въ желѣзахъ къ Дюю.

О Дюяхъ сихъ имѣешь кто идею,

Тотъ знаетъ, каковы всѣ эти усачи.

Они правили угрюмы какъ шуманы,

Припомъ же бусурманы

И Христіянъ бичи.

Сердитымъ голосомъ, нахмуря брови черны,

Сказалъ художнику нашъ Дюй:

„Теперь съ тобой у насъ дѣла уже неспорны:

Ты рабъ и часъ твой въ рукѣ моей;

Но если возвратишь желаешь ты свободу,

Ты долженъ, мнѣ въ угоду,

Украстить кистью твоей,

Въ моихъ чертогахъ стѣны;

Чтобъ тамъ всѣ разныя опмѣны

Одеждъ, обычаевъ и лицъ

Народовъ всякихъ видѣть можно.

Когда исполнишь то, свободенъ ты неложно.“

Принявъ приказъ искусникъ нашъ палъ ницъ.

Палитру вынулъ, кисти, краски,

Княж-
нинъ.

Княж- И ну чертишь носки, ршны, ушки, глазки,
нинь. Одежду всѣмъ даваешь, какъ водишься у нихъ.

„Великій Государь! ужъ всё теперь готово,
Исполнилъ силу я приказовъ всѣхъ твоихъ:
Теперь удержи свое ты слово.“

Дей смотришь: „такъ, вошь Турокъ, вошь и Грскъ.

Сей гордый, важный человекъ

Точнѣхонько Испанецъ;

А эшомъ, что изъ подъ пишка

Съ ножомъ выходишь изъ лѣска,

Ишаланецъ.

И вошь продажная душа Голланецъ.

Вошь Англичанинъ. Вошь и храбръ и пьянъ

Нѣмецкой Капитанъ.

А эшо кто таковъ? — не знаю.

И нагъ и босикомъ,

Съ некроенымъ въ рукахъ сукномъ? . . .

„Французъ, я въ эшомъ увѣряю. . . .

„По что жъ его ты не одѣлъ?

Солгаль предъ Вашимъ я могуществомъ не
смѣлъ.

Не какъ всѣ прочіе народы,

Французы всякой день переменяютъ моды;

Какая же теперь, я эшого не зналъ,

И для шого, его я голымъ написалъ.

Богда-
новичъ.

Коллежскій Совѣтникъ Ил-
политъ Федоровичъ Богдановичъ,
род. въ 1743, въ Малороссіи въ мѣ-
спечкѣ переволочномъ, а умеръ 1802
года, споль много извѣстный по

своей поэмѣ *Душенька*. Оставилъ *Богданъ* *Новичъ* десять басень, которыя по чистотѣ слога, по изобрѣтенію, не послѣднее мѣсто могутъ занимать въ нашей словесности. Сей мужъ имѣлъ любезныя свойства, тихій нравъ, чувствительность, безкорыстіе и какую то невинную веселость, которую онъ сохранилъ до старости и которая дѣлала его пріятнымъ въ дружескомъ обществѣ. Память сего пріятнаго стихотворца сохранится. Творецъ *Душеньки* будетъ извѣстенъ потомству — какъ стихотворецъ нѣжный, часто остроумный и замысловатый.

Комаръ и Журавль.

Въ пуши подъ облаками

Летѣли журавли;

Внизу, въ близи земли,

Своимъ шумомъ лепили комаръ надъ муравами.

Комаръ, комаръ лепишь,

Комаръ, комаръ жужжишь,

Какъ будишь ровень съ нами,

Вскричали журавли.

Но что комаръ въ ошвѣщъ жужжишь надъ муравами?

Богда- — Мой путь вблизи земли,
новичь. Вашъ вущь водъ небесами
Летаю и жужжу не для досады вамъ;
Не трогайте меня своими вы носами,
А мой комарій носъ не вреденъ жусавлямъ. —

Скоро- Скворода, Споекъ — философъ,
рода. или Харьковскій Диогенъ, ни въ
одномъ журналѣ непрославленный,
но всегда будетъ уважаемъ тѣми,
коимъ добродѣтельная и прозвая
жизнь людей любезна. — Его раз-
говоры всегда почти были въ
видѣ прищъ и соснавли прѣд-
пныя нравоучительныя поученія.
Скворода имѣлъ друзей, они
желали дарить его, но рѣд-
кому удавалось исполнить св е
желаніе. Скворода принималъ ни-
гда подарки отъ друзей, дабы шуже
минушу отдать бѣднымъ. Споекъ
ни въ чемъ не нуждается. Умъ
его имѣлъ нѣкоторую остроту. —
Онъ довольно оставилъ и стихо-
творныхъ сочиненій; но трудно
опыскать ихъ. — Не безъ досто-
инства извѣстная пѣснь его:

Всякому городу нравы права, Скоро-
 Всяка пльветь свои умъ голова. и пр.рода.
 копорую поюшь здѣшніе слѣ-
 пые и за копорую увѣрены всегда
 въ хорошей плащѣ! но сія пѣснь
 изуродована ими безъ всякаго ми-
 лосердія! — Такова участь всѣхъ
 преданій! — В шѣ слихи къ еіо
 порипрешу. (*)

Ревнищель истиины, духовный Богочпецъ
 И словомъ и умомъ и живію мудрецъ,
 Любищель простоты, и отъ суешь свободы;
 Безъ лести другъ прямой; доволенъ всѣмъ всегда;
 Достигъ наверхъ наукъ, познавти духъ природы
 Дстойный для сердецъ примѣръ Скорода.

Къ сожалѣнію Россійской сло-
 весности и рано скончался пріят- Нахи-
 ный стихотворецъ. Акимъ Никола- мовъ.
 лавичъ Нахимовъ, помѣщикъ Харь-
 ковской Губерніи, и Кандидатъ
 Харьковского Университета. Кро-
 мѣ разныхъ Сатирическихъ сочи-
 неній оставилъ 23 басни, отлича-
 ныхъ по своей замысловатости и

(*) Читатели позволяютъ замѣтить, что Скоро-
 рода стоить лучшихъ стиховъ ш: е: болѣе
 понятныхъ!

Нахи- рѣзкому слогу. Кажется природа
мовъ. влила въ душу его особенное чув-
ство опвращенія ко всему не спра-
ведливому и смѣшному. То и дру-
гое всегда поражало его впечатлѣ-
ніями своими до изступленія. Въ
сочиненіяхъ его видны вездѣ чер-
пы Сумарокова — Фонъ Визина. Не
излишне замѣтитъ здѣсь, что онъ
былъ присяжный врагъ несправѣ-
дливостямъ приказныхъ, и перо его
еще болѣе на нихъ дѣладо напа-
деній, нежели Сумарокова. Къ ве-
личайшему сожалѣнію рановре-
менная смерть его не дозволила
ему докончить драмматическихъ
его сочиненій. Онъ умеръ 55 лѣтъ
въ 1814 году Вотъ нѣсколько его
басень:

Моська и Собака на привязи.

Ахъ! сжался надомной, сѣпельная моська!
Любимцу барскому, песъ шарый говорилъ:
Весь вѣкъ, усердно я на привязи служилъ:
Смотри! изражена дубиной грудь геройская;
Я ужасъ былъ всегда для здѣшнихъ всѣхъ воровъ;
Я былъ прямой слуга, не изъ числа льстецовъ!
Возри! премудрый моцъ на многія заслуги,
На дряхлость лѣтъ моихъ, на слабость и недуги:

Доставь въ награду мнѣ, починенный мой папронъ, Нахи-
Хотъ каплю молока — Да гдѣ такой законъ? мовъ.
Съ презрѣньемъ временщикъ рѣчь псову прерываешь:
Нѣтъ! баринъ милостей своихъ не распочаешь.
Послушай! — молоко дается только намъ,

Придворнымъ господамъ;

А выг на привязи герои

Давольны будьте шѣмъ, что вамъ дають домои.

Парикъ и Болванъ, на которомъ его расчесываютъ.

Съ пѣшивой значности, когда парикъ снимали,
То самый сей парикъ болванъ тогда носилъ. —
Ужъ — шо — шо, чую, вы сего дня разсуждали?

Болванъ у парика спросилъ:

Вѣдь много думаю у значности разсудка?

Какъ у шебя дубовато отрубка.

Фортуна.

Зевесъ позвать къ себѣ форшуну приказалъ,

Но гдѣ ее курьеръ Зевесовъ отыскалъ?

Не добродѣтели форшуна награждала

Безспыдница, съ осломъ обнявщися лежала!

Воли и Лошадь.

Спросили нѣкогда у лошади воли:

За что Боярину понравились ослы?

Вѣдь работаютъ они намъ мало помогающъ,

Однако больше ихъ и кормялтъ и ласкающъ!

— И вы не знаете конь отвѣчалъ воламъ!

Нахи-
мовъ.

За что такая честь осламъ?
И барская не милость къ намъ?
Такъ знайтежъ Новобранцы:
Мы Русскіе, — осламъ же Иностранцы!

Зеркало и Уродъ.

Уродъ.

Ты грубое стекло, меня приводишь въ смѣдъ.
Такъ гнуснымъ смѣешь ли изображать мой видъ?
Будь вѣжливо: полюби!

Зеркало.

Льститьъ право не умѣю;
Лоснь свойственна лисѣ, собакѣ да лакею.

Здѣсь, помѣщается Эпитафія
пріятнѣму сему ссихотворцу, на-
писанная однимъ изъ его почива-
телей по прочтеніи его сочиненій.

Жалѣетъ Фебъ и плачутъ Музы!

Нахимовъ умеръ — ихъ пѣвецъ —
Въ воспоргѣ! Врачъ, Педантъ, Французы,
Ослы, Кокешки, Франтъ, и Лъснецъ,
Крючки жъ — отъ радости въ практирѣ!
Что вѣлтъ Нахимова въ семь мѣрѣ!

Есть еще собраніе въ сти-Лев.
хахъ, состоящее изъ 56 басень, ^{шинъ.}
нынѣ живущаго писателя *Василія*
Левшина, напечатанное въ 1787
году въ Москвѣ; о которомъ я
никакого ненамѣренъ сдѣлать за-
мѣчанія... а только выпишу изъ
оного одну баснь. Читатели про-
чли оную и безъ меня будутъ и-
мѣть ясное понятіе о нравоучи-
тельныхъ басняхъ и припчяхъ Г.
Левшира. Излишне думаю упоми-
нать о томъ, что сей писатель
известенъ Россіи многими своими
экономич-скими сочиненіями, — и
съ 1813 года издаетъ успешно Тех-
нологическій и Экономическій жур-
наль.

XIV.

А г у н ъ.

Насъ странствія въ страны чужія насъ навлекутъ;
Однако же нигдѣ людей не учать агать,
Хоть странствующія умѣютъ прибавлять;
Но нынѣ истинну отъ брѣдней различаютъ,
И могутъ счестъ,
Что прижди по два шестъ.
Ложь слушать не обидно,

Лев- И только лишь лжецу ошъ лжи бываетъ стыдно.
шинъ. Въ бесѣдѣ лгунъ сидѣлъ

И много вздору пѣлъ.

Со вздору пошрины въ бесѣдахъ, не собираютъ,
И носа кулакомъ лжецамъ не упира-
ютъ.

Такимъ порядкомъ лжецу покойно сидя вралъ,

И вопъ что онъ сказалъ:

Я въ Индіи видалъ

Такой листы капусты,

Что полкъ однимъ накрывъ, въ краяхъ мѣста естъ
пусты,

И можно рожь двѣ еще тамъ умѣстишь.

Легко по можетъ быть,

Одинъ ему въ отвѣтъ, сидящій на бесѣдѣ,

Въ Японіи я зрѣлъ

Случившись на обѣдѣ

Копель,

Въ котломъ тысячу слоновъ сварить вдругъ мо-
жно.

Ахъ братецъ это ложно

Смѣясь оной лгунъ ему сталъ говорить,

Къ чему бы такой большой копель кому сковали?

Отвѣтствуютъ ему: случилось дѣло къ спати?

На то что бы твою капусту въ немъ сварить,

Сіе сидящихъ всѣхъ подвигло къ громку смѣху,

Которой для лжеца не съ лишкомъ былъ въ утѣху.

Измай-
ловъ.

Имѣется еще новѣйшее соб-
раніе басенъ въ стихахъ нынѣ
живущаго писателя Г. Измай-

лова, въ коемъ находится довольно-Измай-
ное число хорошихъ басень. ловь.

Барсъ и Бѣлка.

По сучьямъ Бѣлочка и внизъ и вверхъ скакала,
Но обступилась — и спремглавъ
На Барса спараго упала;
А пошъ, съ пресытнаго обѣда задремавъ,
Едва опомнился въ просонкахъ;
Поднявшись на ноги, сквозь зубы онъ ворчишь;
А Бѣлка передъ нимъ на заднихъ двухъ ножом-
кахъ
Трясется, и сама не видишь, какъ сидишь.
Вздрогнешь и не хопя подъ лапою ширанской!
Подумавъ, Барсъ сказалъ: я милую тебя,
По испинной щедростѣ царской;
Но съ тѣмъ условіемъ, чшобъ ты, шакъ жизнь
любя,
Призналась; ошъ чего тебѣ шакъ жить пріятно?
Я вижу, ты всегда покойна, весела;
А я въ лѣсахъ, гдѣ власть Природа мнѣ дала,
Скучаю и грущу: мнѣ эшо непоняшно, —
„Великой Государь!
Смирено ошвѣчаетъ Бѣлка:
Ты милосшивъ ко мнѣ; но разсуди — ты Царь,
А правду говоришь великимъ не бездѣлка:
Смѣлѣебъ доложишь о помъ тебѣ могла
Повыше съ деревца.“ — Вскходи шуда! — Взошла.
„Теперь услышишь ты языкъ души правдивой....
Не дѣлаю я зла,
И шакъ — умѣю бышь щасливой.
Я чистой совѣстью и сердце веселю;
Не знаешь перваго ты въ мѣрѣ наследенья:

Измай- Спокойно засыпаль безъ мукъ и угрызенья.
ловъ. Ты ѣшь ягнать; а я и листъ и плодъ дѣлю
Съ моими бѣлками сестрами;
Ты не навидишь, я люблю:
Все сказано двумя словами “

Хво- Еще 214 припчъ Графа Дми-
стовъ. трія Хвостова заключающа въ
четырёхъ книгахъ. Любопыт-
ные могутъ сравнить нѣсколько
его басень, съ баснями Суморо-
кова, Дмитриева, Крылова, того
же содержания, ежели хотять
имѣть точное понятіе о достоин-
ствѣ его припчей. Г. Рижскій упо-
минаетъ объ нихъ въ своей наукѣ
о стихотворствѣ — слѣдователь-
но онѣ и могутъ обратитъ на се-
бя вниманіе любителя сего рода
иносказаній. Вотъ двѣ его басни:

Хлѣбъ и Собака.

Нѣкто хлѣба несъ округъ,
Тутъ собака прилучилась,
Къ хлѣбу сердцемъ прилѣплась,
И вершица округъ,
Будто бы нелѣстной другъ.
Гладишь, гладитъ потъ собачку;
Та узря себя лопачку,
И прельщаяся кускомъ,

То глазами кусь окинешь,
То свой ротъ она разинетъ;
То падешь предъ дуракомъ;
То положишъ языкомъ;
Наконецъ избравши пору,
Тамъ плутовка скоекъ
Какъ прямому должно вору
И зубами за кусокъ;
А потомъ назадъ прыжокъ,
Говоритъ: прощай дружокъ. —
На такого пса похожи:
И любовникъ и вельможи;
Но сказашь безъ дальнихъ словъ:
Цѣлый смертныхъ родъ таковъ. —
Насъ тогда лишь величаютъ,
Какъ ошъ насъ услуги чають.

Хво-
сшовъ.

Безногой и Босой.

Одикъ несчастной
Безъ обуви въ пыли
Валялся на земли,
И проклиналъ свой жребій онъ ужасной;
Повсемигнушной вопль пускалъ на небеса,
И смершнаго просилъ часа.
Когда своимъ онъ спономъ
Скучадъ передъ небеснымъ прономъ;
Тупъ иѣкшо къ нищему приползъ на коспы-
ляхъ,
И въ бѣдности подобной
И рокъ еще свирѣпый злобной
Лишадъ и ногъ: онъ былъ солдашомъ на войнахъ,
Безногой нищему: ты жизнью скучаешь.

Хво- И ропотомъ Творца вселенной огорчаешь.
стовъ. За шѣмъ что безъ сапогъ;
Какъ мнѣ велишь споняшь? ты видишь, — я
безъ ногъ!

Невѣ- Есть еще 35 басень *Невѣдом-*
дом- *скаго*. Ежели бы сочинитель по-
скій. желалъ исправить шереховатость
и неровность слога оныхъ, тогда
онѣ не совсѣмъ были бы безъ до-
стоинства.

Олень и Овца.

Я голоденъ и слабъ, о милая овца!
Нѣтъ пищи у меня — ахъ! дай займы сѣнца;
Хотя клочечикъ не большой,
Я съ лихвою отдамъ, въ помѣ волкъ порука мой!
Олень оцѣ такъ говорилъ:
Нѣтъ другъ! не вѣрю вамъ — волкъ страшенъ
мнѣ когшями;
А ты рѣзовъ ногами;
Ошвѣшь овечки былъ.

Кры- Теперь слѣдуетъ извѣстный
ловъ. Россійскій баснописецъ, Г. Кры-
ловъ, коего басни знаютъ всѣ
любители Россійской поэзіи. Раз-
пространяшя объ ихъ досто-
инствѣ значило бы: повторять
хвалы каждаго любителя басень,

причитавшаго иносказанія Кры-Кры-лова. Сшоль онъ, искусенъ въ прип-ловъ-чакъ! и для того вмѣсто всякаго на оныя замѣчанія помѣщающа здѣсь двѣ его басни, для украшенія крашкаго сего обозрѣнія о семь родѣ стихотвореній.

Слонъ и Моська.

По улицамъ слона водили,
Какъ видно на показъ:

Извѣстно что слоны бѣ диковинку у насъ;

Такъ за словомъ толпы зѣвакъ ходили.

Опколѣ ни возмись на встрѣчу моська имъ.

Увидѣвши слона, ну на него мешаешься,

И лаяшь и визжаешь и рвѣишься;

Ну шакъ и лѣзешь въ драку съ нимъ.

Сосѣдка, переспанъ спрамишься:

Ей шафка говоришь, тебѣ ль съ слономъ возишься?

Смотри ужъ ты хранишь, а онъ себѣ идетъ,

Впередъ,

И лаю твоего всеѣмъ не примѣчаетъ —

Эхъ! эхъ! ей моська отвѣчаетъ,

Вошь по шо мнѣ и духу придаетъ,

Что я со всеѣмъ б. зѣ драки

Могу попасъ въ большіе забіяки.

Пускай же говорятъ собаки:

Ай моська! знаешь она сильна,

Что лаешь на слона.

Кры-
ловъ.

Вороненокъ:

Орель

Изъ подъ небесь на спадо на лешѣлъ
И выхвашилъ ягненка;
А воронъ молодой вблизи на шо емошрѣлъ.
Взманило што вороненка,
Да только думаетъ онъ такъ: ужъ братъ, шакъ
братъ;
А шо, что и когшей марашъ.
Бывающъ и орлы, какъ видно плохоевашъ.
Ну только въ спадѣ, что ягняшъ?
Бошъ я какъ захочу
Да налечу,
Такъ царской подлинно, кусочикъ подхвачу.
Тутъ воронъ поднялся, и спалъ кружишъ надъ
спадомъ.
Окинулъ спадо жаднымъ взглядомъ,
Изъ множества ягняшъ, барановъ и овецъ,
Высматривалъ, сличалъ, и выбралъ наконецъ
Барана — да какова?
Прежирнова премашерова,
Который добромубъ и волку былъ въ подъемъ.
Издадъ на него спустился
И въ шерсть ему, что силы естъ вѣѣпилъ —
Тутъ поздно онъ узналъ, что добычъ не понѣмъ.
Что хуже и всего, шакъ на баранѣ помъ
Тулупъ шакъ былъ прекосмашой,
Густой, всклокоченной, хохлашой,
Что изъ него когшей не выперебилъ вонъ
Зашѣйникъ нашъ крылашой,
И кончилъ подвигъ шѣмъ, что самъ попалъ въ по
лонъ.
Съ барана паспухи его чиннейко сняли;

А что бы онъ не могъ дѣлать, Кры-
Ему всѣ крылья окарнали ловъ
И дѣшамъ опдали играшь. —

Не рѣдко у людей тожъ самое бываешъ,
Коль мѣлкой плути
Большому плути подражаетъ:
Что сходитъ съ рукъ ворами, за то воришекъ
бьютъ.

Неблагодарный былъ бы трудъ, Дми-
разпространяшьяся и о басняхъ на- тріевъ:
шего Лафонпена, *Ивана Ивано-*
вича Дмитріева, которой по-
спавиль насъ Россіянъ наряду
съ превосходнѣйшими баснопис-
цами всѣхъ народовъ, и чтобы
слабое мое вниманіе объ нихъ не
упомянуло все было бы не ново.
Любители изящнаго знаютъ ихъ
всѣ наизусть; и пакъ, должно ли
еще объ нихъ разпространяшьяся?
для вѣщаго украшенія сего обо-
рѣнія прилагаетія здѣсь нѣсколь-
ко басень великаго сего басно-
писца:

Амуръ, Гименъ и Смерть.

Дми-
триевъ.

Амуръ, Гименъ со Смертью строгой
Когда — шо шли одной дорогой
Изъ свѣша по своимъ домамъ,
И вздумалось молодцамъ
Вшацишь спаруху въ разговоры.
Признайся, говоряшь, шы, Смерть, не рада намъ :
Ты неавидишь насъ ? — Я? выпараща взоры
Спросила Смерть ихъ: да за что? —
Ну вакъ за что! за шо,
Что мы въ намѣреньяхъ согласны не бываемъ:
Ты все моришь, а мы раждаемъ. —
Пустое, брашцы! Смерть сказала имъ въ отвѣтъ:
Я зла на васъ? . . Перекреститесь!
Людьми снабжая свѣтъ,
Вы для меня жъ шрудитесь.

Полевой Цвѣтокъ и Гвоздика.

Простой цвѣшочикъ, дикой,
Не знаю какъ попалъ въ одинъ пучокъ съ гвозди-
кой,
И что же? Отъ нее душистымъ спалъ и самъ!
Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ.

Верблюдъ и Носорогъ.

Верблюду говорилъ однажды Носорогъ :
„Во вѣкъ я приложилъ ума къ тому не могъ,
За что предъ нами вы въ такой щасливой долѣ?
Васъ держилъ человекъ всегда въ чести и холѣ,
И кормилъ въ доволь и поилъ,)

И ваше разводилье спарается охъ племя. Дми-
пріеъ.
Согласенъ, что на васъ не рѣдко вьвочашъ бремя,
Опъ коего вашъ братъ довольно и кряхнитъ;
Что крошки вы, легки, при томъ не ушомимы:
Но тѣже самыя способности и въ насъ,
До по рогу еще для случая въ запасъ;
А все мы прѣзрены, гонимы!“

„Дружокъ! опвѣспивовалъ Верблюдъ:
Покорность иногда достроинству замѣна;
Что бѣ людямъ угодитъ одинъ ли нуженъ трудъ?
Умѣй и подгибать колѣна.“

Отецъ съ Сыномъ.

Скажите, батюшка, какъ шаспія добитъся?
Сынъ спрашивалъ отца. — А пошъ ему въ опвѣшъ:
Дороги лучш й нѣшъ,
Какъ шѣломъ и умомъ шрудитъся
Служа опечесшву, согражданамъ своимъ,
И чаще бышь съ перомъ и книгой,
Когда бышь дѣльными хопимъ. —
Ахъ, што шяжело! какъ легче бы? Иншригой;
Вширашъся жабой и ужомъ
Къ шому, кто при дворѣ форшунной вознесешся —
А што низко! — Ну такъ просто . . . бышь глун-
цомъ;
И эдакъ многимъ удаетъся.

Непроспительно бы было, за-Бунина
бышь, о нашей Баснописицъ, Бу-
ниной. Скажу безъ всякой лести —
(дама — авшоръ не имѣетъ права

Бунина на комплименты.) что сочиненія Г. Буниной, равномѣрно и ея басни; не малое составляютъ украшеніе Россійскому Парнасу и выпишу съ удовольствіемъ двѣ, изъ басенъ нашея Сафо!

Общество и Время.

Общество.

Какъ время ты могло промчаться споль мгновенно?

Вчера ты пише шло, и пише несравненно.

Время.

Крыловъ мнѣ крылья далъ,
Тогда, какъ басенки тебѣ свои читалъ. (*)

Смерть и ея Придворные.

Когда-то Смерть, правительница свѣта,
Къ любимцамъ всѣмъ своимъ отправила указъ:

- „Въ такой-то день, въ такой-то часъ
„Собраться вамъ ко мнѣ во адъ для совѣща.
„Любя опечество, какъ мать,
„Для пользы его, не ради славы,
„Чтобъ все цвѣло вокругъ моей державы,
„Хочу себѣ изъ васъ наперсника избрать;
„Но не вскружишеса мечтами!
„Сей почести не лъзя искать.

(*) Лучшаго и справедливейшаго мнѣнія о баснописцѣ сказать не можно.

„Пронырспромъ, родомъ, иль чинами;
„Она тому доспанется въ удѣль,
„Кто славныхъ болѣе въ свой вѣкъ содѣлялъ
дѣлъ;
„Кто подвиговъ своихъ покажетъ мнѣ таблицы;
„Чьей болѣе рукой наполнялись гробницы.“
Прочтенъ указъ — отправился острякъ;
Бѣгутъ: подагра, водяная,
Заваль, чахотка, сплинъ, зараза моровая,
А съ ними въ рядъ
Мигрени, слазмы, флюкъ — дикой простуды дѣти,
Всякъ льстится бытъ наперсникомъ у Смерти:
Но Смерть на легкую всю сволочь ту
Едва ли обратишь изволила вниманье.
„Я васъ, сказала имъ; орудіями чту;
„Вы исполняете чужре приказанье:
„Я не машинъ ищу — мнѣ нуженъ машинистъ.“
Пустилося тогда другой породы зелье:
Предсталъ дантистъ, цирюльникъ, окулистъ,
Учитель, ученикъ, езель и подмастерье,
И словомъ, весь почтенный Факультетъ,
Которому, за грѣхъ, и счету членамъ нѣтъ.
А тамъ пороки всѣ единою толпою:
Злость, зависть, мщеніе съ любѣйшею войною,
Опустошавшею не рѣдко свѣтъ.
Возвеселилась Смерть, взглянувъ на ихъ спаницу,
Ослабя синія уста
И подняла изсохлую десницу,
Да перспомъ каждому опредѣлитъ мѣста.
Ужъ всякъ изъ докторовъ воспоргомъ подомъ
внистъ,
Что приметъ дарскаго наперсника названье,
Ужъ всякой съ радости дрожитъ:

въ собраніи Рускихъ стихотвореній въ 3. части.

Въ Москвѣ, въ 1781 году из-Разка-
давался еженедѣльный журналъ, щикъ.
подъ названіемъ: *Разкащикъ, за-
бавныхъ басень, служащихъ къ
чтенію въ скучное время, или
когда кому дѣлать нечего.* Мо-
жете быть сей еженедѣльникъ,
и усладялъ тогда кому нибудь
скуку, шеперь времена перемѣни-
лись и *разкащикъ забавныхъ ба-
сень*, вмѣсто прогнанія скуки, мо-
жете легко наводить оную. — Я
принуждалъ себя сколько могъ,
дабы выбрать въ мой опытъ, изъ
забавнаго сего разкащика, хотя
какой нибудь примѣръ; — съ на-
чала читалъ, потомъ уже копался
въ ономъ, перелистывалъ его, пе-
реворачивалъ, — но всё было на-
прасно, я не нашель ни одной за-
бавной басни.

Примѣ-
чаніе.

Многихъ и очень многихъ недоспаетъ еще въ семь ольгѣ, опечественныхъ нашихъ баснописцевъ; какъ по: Козельскаго, Ржевскаго и прочихъ... и знашнаго числа нынѣ живущихъ, — (не говорю уже о чужеземныхъ!) причиною сему малая средства наблюдателя, — онъ только упомянулъ о тѣхъ, коихъ басни попадали ему въ руки, по многопрудномъ его изысканіи. — Онъ не могъ даже *вполнѣ* воспользоваться *третьею* частію собранія *Русскихъ стихотвореній*; ибо тамъ помѣщено много басень, коихъ шворцы неизвѣстны (покрайнѣй мѣрѣ) для наблюдателя. — *Напр.* какъ жалъ, что онъ не вѣдаетъ имени шворца сей басни:

Орелъ и Червякъ. ()*

Вверху, на деревѣ высокомъ,
Увидѣвъ Червяка Орелъ,
Спросилъ съ надмѣннымъ, гордымъ окомъ:

(*) Смол: 234 впр: 3 часть, собр: Руск: Стих:

Ты, дерзкой, какъ сюда зашелъ?...
„Вы, какъ Орель сударь, взлетѣли;
„А я — доползъ до той же цѣли.

Примѣ-
чаніе.

(Скромность, нѣкоторыхъ пи-
сателей, не всегда можетъ полу-
чить одобреніе.)

При томъ же признайтесь бла-
госклонные читатели, можно ли
въ *одинъ разъ* такъ сказать, на-
черпать полное и совершенное
обозреніе, о чемъ бы то ни было? —
Конечно при впоромъ изданіи,
(ежели только оно случится)
многое кой что будетъ пополнено,
исправлено, помѣщено

Теперь скажу только вообще
о Россійскихъ припчакъ: что
рѣдкой изъ нашихъ стихотвор-
цевъ не написалъ одной или нѣ-
сколькихъ басень. Однимъ словомъ:
когда бы мы и въ другихъ родахъ,
такъ успѣли, какъ въ етомъ, то-
гда *тончайшій* разбирашеть не
нашелъ бы, можетъ быть, малѣй-
шаго различія, между поезіею Рос-
сійскою и чужестранною.

Заклю-
ченіе.

Симъ оканчиваю мое обзорѣ-
ніе о басни и о баснописцахъ. — Не
знаю достигъ ли я сколько нибудь
моей цѣли, копорая состояла въ
помь: — чшобъ, давши нѣкоторое
поняшіе, о семъ родѣ стихотворе-
ній, — познакомишь любители ба-
сень, со всѣми почти баснописа-
ми народовъ и что бы, хотя нѣ-
сколько, не большою книгою за-
мѣнишь безчисленное множество
книгъ о басняхъ! — За нужное почи-
таю увѣдомить здѣсь, что я, въ
расужденіи иностранныхъ примѣ-
рвъ держался болѣе, извѣстнаго
Іоанна Іоахима Ешенбурга, пола-
гая: что на его вкусъ *тверже* поло-
жишься можно, нежели на мой и ду-
маю, что я въ помь и не ошиб-
ся. Нѣкоторые однако примѣры и
мною приисканы.

211701

П О Г Р Ъ Ш Н О С Т И.

Стр.	Строк.	Читай.
4	7 сн. Спихопворенїа	Спихопворенїи
10	17 св. вдругъ	ей
11	11 — вниманїа	вниманїе
17	3 сн. пова	пова
20	5 — Езуишъ	Езуишъ
24	13 — Гїованни	Джіованни
25	2 св. ciaseun	ciaseun
27	1 — Пигношши	Пигношши
—	6 сн. fugiosi	fugiosi
32	6 — Годаршъ	Гударъ
34	18 св. Са	Са
35	12 — cheri	cheri
37	7 — fortunae	fortunae
—	4 сн. do	do
38	8 св. рас	рас
39	16 — croiant	croyant
41	5 — Аубершъ	Обершъ
44	4 сн. едг	едг
50	2 — изъящныхъ	изящныхъ
51	10 св. нъ	къ
53	15 — Онъ	Что
55	11 — спвамъ. — То	спвамъ; — по
—	15 — каншовы	Каншовы
69	7 сн. DERGREIS	DER GREIS
79	16 св. раскаявашя	разкаявашя
82	11 — sieh	sieh !
100	3 — крѣпи	крѣпи
—	8 — прыпки	прыпки
110	12 — пригожа	пригожа
111	19 — Кознодѣй	Кознодѣй
115	10 — ни	на
116	2 сн. переволочномъ	Переволочномъ
131	7 — изъящнаго	изящнаго
134	2 — лучшаго	лучшаго